

СТАЛИНИАНА

БОРИС ИЛИЗАРОВ

**СТАЛИН,
ИВАН ГРОЗНЫЙ
И ДРУГИЕ**

Сталиниана

Борис Илизаров

Сталин, Иван Грозный и другие

«ВЕЧЕ»

2019

Илизаров Б. С.

Сталин, Иван Грозный и другие / Б. С. Илизаров — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сталиниана)

ISBN 978-5-4484-7979-3

Новая книга доктора исторических наук Б.С. Илизарова посвящена трагической странице в истории нашей культуры сталинской эпохи. Историческая наука, литература, театр, кинематограф, поэзия – все было подчинено воле вождя, направлявшей их на разработку новых исторических мифов. На основании архивных документов автор раскрывает механизмы формирования в недрах партийно-государственного аппарата мифов истории, связанных с образами Ивана Грозного, Александра Невского, Сталина. Особое внимание уделяется роли самого Сталина в становлении новой мифологии истории. Используются неизвестные материалы из архивов историков Р.Ю. Виппера, М.В. Нечкиной, писателя Ал. Н. Толстого, кинорежиссёра С. Эйзенштейна и др. Автор известен полемическими книгами о первых советских вождях: Ленине, Сталине, идущих вразрез с господствующей идеологией. Книга написана научным, но доступным языком. Для тех, кто интересуется истоками истории нашего времени.

ISBN 978-5-4484-7979-3

© Илизаров Б. С., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предуведомление	6
Глава 1	21
1. «Прислужник господствующей буржуазии». 1922–1939 гг.	21
2. Сталин читает историка Виппера. 1929–1936 гг.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Семенович Илизаров

Сталин, Иван Грозный и другие

© Илизаров Б.С., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Предуведомление

Когда в этой книге встречается имя Сталина, то имеется в виду не только человек, но и «сталинизм» как явление.

* * *

Книга – очередной эксперимент: я собрал все, чему научился в профессии в течение жизни. В книге сочетаются в разных пропорциях: рациональные приемы историописательства, сложившиеся с древнегреческих и древнеримских времен, с попытками иудео-христианской моральной оценки деяний ее героев, с довольно тщательной источниковедческой проработкой каждого более или менее значимого текста и с публикацией отдельных документов или их частей с комментариями прямо в ткани повествования. В книге есть допущения и предположения, но это не от неуверенности в своей правоте, а исключительно для того, чтобы оставить читателю пространство для раздумий и сомнений. И я среди тех, кто сомневается. Сомнения ведут к размышлениям, и тогда рождается философия истории как форма поиска ее смысла. Этим обусловлены стиль и ритм изложения.

* * *

В середине тридцатых годов XX в. в СССР в среде советской интеллигенции все чаще велись разговоры, в которых мрачная эпоха Ивана Грозного (1530–1584), его опричина и изуверские казни сравнивались с нагрянувшей эпохой сталинских репрессий. Достоверно известно, что в 1939 г. спецслужбы зафиксировали подобные вольные высказывания в узком кругу давнего партийного любимца, приближенного к И.В. Сталину (1878–1953) поэта-сатирика Демьяна Бедного (Ефима Придворова). Во время разговора присутствовали писатель И. Бабель, кинорежиссер С. Эйзенштейн и кто-то еще. Этот кто-то (?) и донес: «Озлобленность Д. Бедного характеризуется следующими его высказываниями в кругу близких ему лиц: «Зажим и террор в СССР таковы, что невозможно никакое свободное исследование, у нас нет не только истории, но даже и истории партии. Историю Гражданской войны тоже надо выбросить в печку – писать нельзя. Оказывается, я шел с партией, 99,9 (процентов) которой шпионы и провокаторы, Сталин – ужасный человек и часто руководствуется личными счетами. Все великие вожди всегда создавали вокруг себя блестящие плеяды сподвижников. А кого создал Сталин? Всех истребил, никого нет, все уничтожены. Подобное было только при Иване Грозном»¹.

Не только православная церковь, но и отечественная историография XIX в., начиная с «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, в целом негативно оценивали результаты правления, морально-этические и христианские качества Ивана IV, казнившего и притеснявшего духовных иерархов, правящую «элиту» (князей и бояр), служилых людей, крестьян, трудившихся на закаблявших их бояр, дворян и монашество. Речь шла именно о человеческих качествах Ивана Грозного, поставившего государство XVI в. на грань экономического разорения, военного поражения и развала, ставшего в конечном счете причиной иностранной интервенции и первой многолетней Гражданской войны (Смуты). Слово «опричник» в русской культуре XVII–XIX вв. несло сугубо негативный смысл, причем вплоть до конца третьего десятилетия советской власти. Однако в 1922 г. в Советской России вышла

---

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 415, 416.

книга заметного уже тогда историка Роберта Юрьевича Виппера «Иван Грозный», в которой царь был представлен как предтеча Петра Великого, много раньше его взмахнувший топором, прорубаясь в Европу. С блеском написанная книга Виппера на большинство советских историков того времени не произвела особого впечатления, тем более что вскоре автор эмигрировал в буржуазную Литву. Одновременно традиция двойственной, но в целом негативной оценки деяний Ивана IV была заново поддержана одноименной монографией академика с дореволюционным стажем С.Ф. Платонова, вышедшей в Советской России в те же годы. Но именно на книгу Виппера, как и на другие исследования автора, обратил внимание всесильный уже тогда И.В. Сталин, проштудировавший основные сочинения историка с карандашом в руке.

Михаил Булгаков, обладавший редкими драматическим и сатирическим талантами, в 1935 г. написал пьесу «Иван Васильевич», в которой Иван Грозный был волею автора перенесен в эпоху сталинского социализма, а карикатурно похожий на него ничтожный домоуправ Иван Васильевич Бунша был пересажен на трон средневекового царя. Осуществить постановку пьесы при жизни Сталина так и не удалось, и не только из-за прозрачных исторических параллелей и намеков, но и потому, что идейно-политическая и моральная обстановка в стране резко изменились. Сталин, осуществляя те или иные практические шаги и политические зигзаги, постоянно обращался к переписанным на собственный лад образам исторических героев и известных государственных деятелей прошлого. Борясь с оппозициями, он взывал к образу Ленина; проводя крутые меры в области индустриализации, обращался к образу Петра I; бросая силы на освоение засушливых районов Средней Азии, песков Каракумов, богатств Сибири, вызывал образы Тамерлана и Ермака; накануне войны, страшась германской угрозы с Запада, обратился к мифологизированному образу Александра Невского; завершая сколачивание обширнейшей послевоенной советской империи, растянувшейся от середины Европы и до восточных морей Китая, понуждал вспоминать таких древних мировых владык, как Чингисхан, Батый, Цезарь и т. д. Историки, писатели, кинематографисты, публикаторы исторических документов, драматурги, композиторы, поэты и партийные пропагандисты, каждый в меру своего таланта, выполняли очередной заказ на очередного исторического героя (или антигероя). Эта открытая страсть к самым жестоким историческим персонажам так бросалась в глаза, что ее заметили даже за рубежом. Ее отметил не кто иной, как самый ревнивый соперник Сталина – немецкий вождь Адольф Гитлер. В 1942 г., на излете наступления на Сталинград, Гитлер заявил собеседникам: «Сталин – в своем роде гениальный субъект: он очень хорошо знает свои первообразы. Сталин непременно заслуживает уважения, он в своем роде гениальный тип (Kerl): свои прообразы (Vorbllde) – как, например, Чингиз-хана и т. д. – он знает в совершенстве»². То, что Сталин ориентируется на образы исторических героев, фюрер подметил правильно, поскольку сам делал то же самое, избрав для себя в историческом пантеоне фигуры Карла Великого и Фридриха II. Возможно, реплика Гитлера была вызвана его осведомленностью о том, что в СССР перечисленные восточные владыки стали очень модными; в эти годы широко рекламировалась знаменитая трилогия В. Яна (В.Г. Янчевецкого), посвященная татаро-монгольскому завоеванию мира и России. В таком случае предположение Гитлера о том, что Сталин ориентируется на образ Чингисхана, совпадало с собственными геополитическими предрассудками фюрера о неразвитом, закостеневшем Востоке, несущем смертельную угрозу Западу.

В 1938–1941 гг., на пике самых жестоких репрессий, а также после присоединения к СССР Прибалтийских государств и расчленения Польши, Сталин почему-то решил, что наступило время обратиться к образу Ивана Грозного. По его личному распоряжению Виппер в мае

² Цит. по: Козлов Л.К. Тень Грозного и Художник // Киноведческие записки. Историко-теоретический журнал. 1992. № 15. С. 18. Я специально позаимствовал этот текст из статьи известного кинокритика Л. Козлова, передающего более емкий смысл переведенной цитаты. Ее можно сравнить с текстом другого перевода, из книги: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 451.

1941 г. был вызван в Москву из занятой советскими войсками Прибалтики, ему были даны почетные должности в МГУ и в Академии наук СССР, его книга о царе с небольшими изменениями дважды переиздавалась в 1942 и 1944 гг., а в самый разгар войны в Колонном зале Дома союзов он прочитал публичный доклад о Грозном.

В этой книге я взялся за разрешение вопроса: как и почему в сознании граждан СССР должны были совместиться, по расчетам его вождя, предвоенные события и события начала Второй мировой войны с войной XVI в., получившей название Ливонской? Как и почему внезапно схлопнулись и совместились четыре века русской истории: сталинские репрессии и казни опричнины, жало раскаленных добела клещей в пыточных подвалах средневековой Александровской Слободы и парное дыхание заиндевелых бараков Колымы? Речь не только об аналогиях, как бы назойливо они ни напрашивались и как бы назойливо их ни навязывал современникам и потомкам коварный (но не мудрый!) вождь.

В том же 1941 г., в январе, А.А. Жданов по распоряжению Сталина поручил крупнейшим мастерам, кинематографисту Сергею Эйзенштейну и писателю Алексею Толстому, создать произведения, пересматривающие оценки личности Ивана Грозного и его деяний в сугубо положительном смысле. Внешнюю политику царя теперь следовало трактовать как освободительную от ига татар (разгром Казанского и Астраханского царств), а по отношению к Прибалтике, Польше, Финляндии – как первую попытку прорыва России в Европу. По прямому указанию Сталина опричников и опричнину следовало отныне рассматривать как эффективное орудие борьбы с внутренней крамолой, а их погромные отряды – как блестящее «королевское войско» и основу будущей регулярной армии.

По разным причинам, но ни тот, ни другой художник не смог удовлетворить псевдоисторические запросы вождя. В свое время Сталин прочитал с карандашом в руке искусный киносценарий Эйзенштейна и слабую пьесу Толстого, сделал умозаключения, но конечным результатом остался все же недоволен, что особенно плачевно сказалось на судьбе второй части кинофильма. Сергей Эйзенштейн, увлекшись трагической раздвоенностью вылепленного им образа царя и мрачным, но романтическим колоритом эпохи, не подозревая того, не позволил Сталину спроецировать этот образ на самого себя и свое время. Несмотря на искренние старания режиссера, Сталин так и не узнал себя в «гамлетовских» метаниях Грозного, а преданных наркомов и охранников НКВД не разглядел в кинематографических образах Малюты Скуратова, отца и сына Басмановых, беснующихся в дикой пляске в «ку-клукс-клановских» балахонах (характеристика Сталина) отборных опричников. Так считалось до сих пор благодаря стараниям историков кино и искусствоведов. Однако в этой книге я не только представил целый пласт ранее не исследованных архивных документов, но и позволил себе предложить новое прочтение документов известных и опубликованных, а также дать новую интерпретацию, казалось бы, хорошо освещенным событиям.

Несмотря на искренние старания, с удовольствием приспособившийся к советским реалиям уже не молодой и больной Алексей Николаевич Толстой так и не сумел даже минимально овладеть историческим материалом или хотя бы искусно состыковать дух столь различных исторических эпох: Сталина и Грозного. В значительно большей степени Сталин был удовлетворен произведениями писателей и драматургов среднего калибра (В. Костылев, В. Соловьев и др.), которые с чуткостью отозвались на запросы вождя, за что и были вознаграждены разными премиями. Крупнейшие советские историки первой половины XX в.: С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов и др., каждый на свой манер, также приняли самое непосредственное участие в переосмыслении эпохи Ивана Грозного, его деяний и злодеяний, пусть, как и все, они делали это под сильным давлением. Лишь один выдающийся историк, живший в ту же эпоху, С.Б. Веселовский, не назвал черное белым, а царя-изверга – великим государственным деятелем.

Так, под видом политической целесообразности, сталинская власть при помощи известных деятелей культуры и науки, опираясь на искусно препарированные ими исторические

образы, освобождалась от общечеловеческих моральных ограничителей и ценностей. Об этом и пойдет речь в этой книге. В ней не только развернута картина того, что схематично изложено в «Предупреждении», но и сделана очередная попытка заглянуть на доступную глубину в тайники таких разных человеческих душ, живших и творивших в первой половине XX в. Первый раз я предпринял похожую попытку в книге «Тайная жизнь Сталина», вышедшей в 2002 г., второй – в 2012 г. в исследовании «Почетный академик И.В. Сталин и академик Н.Я. Марр»³. Здесь же, в третьей и наиболее ответственной для меня книге, «сошлись» два самых мрачных персонажа российской истории: средневековый царь и великий князь Иван Васильевич по прозвищу Грозный (середина XVI в.) и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Джугашвили по прозвищу Сталин (первая половина XX в.). Возможность такой встречи никто не предугадал, ни главные герои книги, ни тем более те, кто в меру своего таланта эту встречу описали и расцветили всеми возможными красками, доступными в то время строгим ученым-историкам, художникам пера и кинематографа, зажатым в тисках террористического режима.

Перед нами очередная вековая загадка: меняется ли человек со временем, а если меняется, то в какую сторону? Если меняется, то можно ли о нем судить, а тем более судить его с позиций сегодняшнего дня? Человек XVI в. (для России это очень «темные», более чем Средние века) чувствовал, думал, верил совершенно не так и не о том, о чем и как думал человек XX в. А человек XX в. думал и верил совсем иначе, чем человек Средневековья. В этих расхожих рассуждениях таятся две фундаментальные ошибки. История никогда бы не смогла сложиться в науку, а цивилизация в культуру, если бы новые поколения не научились понимать и осваивать все то, что оставили им старшие поколения. Человечество с каждым веком все успешнее учится понимать древних людей и давних пращуров. Что же лежит в основе понимания прошлых способов освоения природы, древних принципов мышления и речи, принципов усвоения социальных и культурных навыков? Ответ получить не сложно, если отказаться от расистского и националистического хлама: потому что в основе лежат общечеловеческие принципы мышления, а главное, общечеловеческая система чувств и связанная с ней система эмоций. Мы на 99,9 % люди и менее чем на 0,1 % – нации, этносы, классы, сословия и т. п. Поэтому способов понять и дать объективную оценку поступкам любого человека, как очень давнего, так и близкого прошлого, безграничное количество. Другое дело – будущее, которое для нас почти непроницаемо, тогда как прошлое раскрывается со временем все более откровенно.

Так по какому же счету следует оценивать главных героев этой книги: по нашему счету, людей начала XXI в., или одних по счету середины XX, других – XVI в., а кого-то – по шкале XIX в.? Не получается ли так, что у каждого времени своя мораль, свои боги и демоны? Опасное заблуждение! Ментальность может быть и разная, да органы чувств одинаковые – что у белого, черного, красного, желтого... у русского, у немца или татарина... Достоверно известно, что Иван Грозный своими личными распоряжениями отправлял людей на самые изощренные пытки и казни и сам публично, на глазах большого скопления подданных, участвовал в изуверствах. Знакомясь с описаниями всех этих ужасов, без всяких дополнительных слов понимаешь, что чувствовали пытаемые: какую боль, страх, муку, сумасшедшую несбыточную надежду они испытывали и переживали. Но эти мои (наши!) реакции и рефлексy те же самые, что были и у людей XV, или XI, или XXI вв.! Это одни и те же чувства голода, холода, жажды, секса, боли и т. д., будь то чувства человека XXI в. до новой эры или XXI в. новой эры, живи он в древней Месопотамии или в современном Техасе. Десятки сотен тысяч лет человек смеется и плачет, любит и ненавидит, убивает другого и спасает его примерно по одним и тем же поводам и испытывает при этом очень близкие чувства, которые всем людям на Земле даны от

³ Илизаров Б.С. Тайная жизнь И.В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 6-е изд. М., 2012.; *Он же*. Почетный академик И.В. Сталин и академик Н.Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и о проблемах, с нею связанных. М., 2012.

рождения. Иначе говоря, все они врожденные, т. е. биологически детерминированы. Поэтому все люди планеты, а тем более одной страны или семьи, друг с другом сочувственны, в том числе не только в любви, но и в ненависти. Это значит, что когда некто применил насилие или убил «ближнего своего», то он ясно осознавал, что вселяет в жертву и **свидетелей своего злодеяния** страх и ужас. Известно, что древние ассирийцы сдирали кожу с живых пленников, а ацтеки вырывали у них сердца. И те и другие понимали, так же как их жертвы, что это делается с целью внушить страх и ужас, лишить воли к сопротивлению и задобрить жестокость богов. Современный исследователь по такому достаточно типовому поводу обычно меланхолично заявляет: «Такое было время, таков был уровень цивилизованности, таков был уровень морали и гуманизма, так поступали в свое время все, но всё со временем движется к лучшему». С моей точки зрения, развитие цивилизации – это не одностороннее движение, ведущее прямо к прогрессу. Не менее мощно прогрессу противостоит регресс, как жизни противостоит смерть, добру – зло. Совершенствуется и все более изощренной становится культура, техника, социальное устройство, растет материальное благополучие. В этом смысле все современные жители Европы, Азии, Австралии, Америки и Африки стоят на значительно более высокой ступени материального и интеллектуального развития, но они же превосходят древнее человечество по обилию и изощренности орудий уничтожения, убийства и пыток. Да, даже – пыток, которые мы привычно связываем с темными веками. Новейшая история далеко превосходит и древние века с их рабством, и Средневековье с его «Огненными палатами», Варфоломеевской ночью и аутодафе по количеству умерщвленных и искалеченных людей самыми ужасными и невероятными способами. Прогресс во всем несомненен, и он двусторонен, поскольку массовое производство и информационные технологии охватили не только производство материальных и интеллектуальных ценностей, но и раскручивают маховики массового уничтожения и «точечного» мучения живых, совсем не абстрактных людей. Человечество прогрессирует во всем, кроме притупления чувств и силы эмоций. Они, напротив, все более обостряются и приносят все более изощренные радость и боль. Не видеть этого может только слепец, одурманенный идеей бесконечного положительного прогресса человечества и близкого «бесконфликтного века» на матушке Земле. Поэтому я (историк) волей-неволей должен, даже обязан **рассудить** человека, в равной степени совершавшего свои деяния, злодеяния и благодеяния в XX или в XVI, или в ином, даже «золотом веке». В любом случае обязан детально разобраться во всех мотивах, используя для этого доступный на сегодняшний день источниковедческий и иной критический арсенал исторической науки (т. е. вооруженный научными методами интеллекта) и свои человеческие чувства.

Для меня, как и для очень многих людей, не одурманенных современной неосталинистской пропагандой, давно изучающего эпоху Сталина, ясно, что он был одним из величайших преступников XX в. Не глупый, а потому вполне осознававший свои действия и дававший себе отчет в том, к чему они ведут и куда направлены. Это же не случайно, что никому не подконтрольный диктатор в самый разгар репрессий всеми способами пытался обелить себя не только перед современниками, но и перед нами, их потомками. Как большинство «государственных убийц» (так его назвал Н.С. Хрущев), ищущих «понимания» у подвластного и растерзанного им народа, он использовал разные приемы, в том числе ссылки и экивоки на других исторических преступников, в частности на средневекового царя-садиста. Сталин предполагал, что параллели между ним и царем, между его временем и темным Средневековьем очень даже допустимы. Для этого совершенно безбоязненно и без особых хитростей организовал в 40-50-х годах XX в. жульническую, якобы научную, а на самом деле чисто бюрократическую кампанию по переоценке в российской «лавке древностей» цен на опричнину, на государственную, дипломатическую и военную деятельность царя, наконец, на роль личности Ивана IV, не только для древней, но и для современной истории России. В своей новой книге я пытаюсь разобраться в этой запутанной истории и показать, насколько по-разному вели себя в усло-

виях тоталитаризма люди, одаренные талантами, много знавшие о прошлом и настоящем своей родины и, вслед за Сталиным, бездарно сгоревшие в изменчивом поле добра и зла.

Что же касается Демьяна Бедного, то Сталин, узнав о его высказываниях, отомстил, публично обвинив пролетарского сатирика в зазнайстве, в неуважении к русскому народу (за басню, опубликованную в газете «Правда», которую Сталин сам же негласно редактировал), а большой портрет Бедного, висевший на Кунцевской даче рядом с другими любимыми деятелями вождя, приказал снять. Баснописец умер своей смертью, а значит, закончил жизнь, по советским меркам, благополучно. После смерти он был по-советски канонизирован, но не по первому, а по третьему разряду. Не всех ожидал такой счастливый конец в этой истории.

* * *

Тема «Сталин, Иван Грозный и другие» не нова для публицистической и искусствоведческой литературы, но она слабо освещена в отечественных и зарубежных исследованиях. Практически любой, даже не очень образованный, человек в России и далеко за ее пределами видел фильм С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный». Многие гуманитарии бывшего СССР и нынешней России знакомы с научной и мемуарной литературой, посвященной истории создания фильма, актерам, и в какой-то степени с ролью Сталина в судьбе режиссера и кинофильма. Но мало кто задавался вопросом, а насколько известный советский режиссер владел историческими знаниями в то время, когда вся его творческая жизнь была посвящена историческим событиям в России (и за ее пределами) и ее историческим героям? В меньшей степени известна одноименная драматическая повесть в двух частях писателя и драматурга Ал. Н. Толстого и совсем неизвестна история ее создания, участия в ней и в судьбе ее автора вездесущего советского вождя. До сих пор пользуется популярностью и часто переиздается небольшой научно-популярный очерк «Иван Грозный» историка, академика Р.Ю. Виппера. Но практически неизвестна, даже специалистам, история создания этого произведения и сопутствующих ему публикаций и опять-таки история его взаимоотношений со Сталиным, с коллегами по цеху – с крупными исследователями С.В. Бахрушиным, И.И. Смирновым, С.Б. Веселовским, Б.Д. Грековым, М.В. Нечкиной и другими историками сталинской эпохи. В книге я не только опирался на исследования и опубликованные материалы, раскрывающие жизнь и творчество упомянутых в книге персонажей, но и привлек довольно широкий круг архивных и малодоступных документальных и печатных материалов⁴. Как и в предыдущих работах, широко использовал личный архив-библиотеку Сталина, находящуюся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также неисследованные материалы различных отделов ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б) из того же государственного архива и из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Кроме того, привлек личные архивные фонды упомянутых ранее историков, хранящиеся в Архиве РАН, и деятелей культуры, собранные в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), и в Отделе рукописей Института мировой литературы им. М. Горького (ОР ИМЛИ)⁵.

И если отдельные аспекты темы так или иначе нашли отражение в отечественной литературе, начиная с 40-х гг. XX в., то история зарождения и реализации «Сталинского плана» переоблачения царя-опричника в положительного героя отечественной истории пока не рассматривалась. В советское время это было невозможно по двум причинам. До демократической

---

⁴ Краткий, но исчерпывающий очерк о состоянии источниковой базы на конец 50-х гг. XX в. был сделан в кн.: *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного*. М., 1960. С. 52–62.

⁵ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам архивов, оказавшим самую разностороннюю помощь: Т.М. Горяевой, Н.С. Стрижковой, (РГАЛИ), А.В. Доронину (РГАСПИ), А.С. Акимовой (ОР ИМЛИ РАН), А.Г. Гачевой (ИМЛИ РАН), Н.Г. Томилиной, А.Н. Журкиной (РГАНИ). Как всегда неоценимую помощь по собиранию материала и подготовки книги к изданию оказала С.Е. Кочетова.

перестройки конца 80-х гг. XX в. в СССР большинство архивных документов, относящихся к деятельности Сталина и многочисленных партийных и советских органов, было закрыто. Кроме того, тема «Иван Грозный в русской и мировой истории» была отдана «на откуп» узкой группе ведущих медиевистов-историков, которые в свою очередь контролировались (как и вся историческая наука) партийными чиновниками от идеологии. Отдельные аспекты и этой проблемы нашли отражение в данной книге. С началом перестройки был облегчен доступ к целому ряду архивных материалов (но далеко не ко всем), на какое-то время исчез идеологический диктат и произвол чиновников от науки. Надо отметить и такое положительное явление: до сих пор неуклонно размываются искусственные границы между специалистами, изучающими различные, иногда очень отдаленные исторические эпохи. Только при этих, благоприятных в целом условиях, стала возможна постановка проблемы и ее реализация⁶.

Демократизация общества 90-х гг. XX в. сняла запреты и ограничения на большинство ранее закрытых тем, в частности на историю и философию сталинизма. Этим воспользовались историки и публицисты, имевшие склонность к историософии. Известный историк-публицист М.Я. Гефтер, похоже, первым затронул проблему на историософском уровне. В диалоге (с Г. Павловским), названным «Сталин умер вчера» (1988 г.), Гефтер, глубоко изучавший историю советского общества в целом и, в особенности, историю ленинизма, выделил сталинизм в качестве особого историко-культурного феномена. Он описал его как своего рода «капкан», в который «если попадешь, то и не вырвешься». «Сталин и кровь нерасторжимы», – заметил он. «И не просто кровь человеческая, на которой история (вся!) зиждется». С такой «избыточной кровью» Сталин связал и себя, и всех нас, и историю как таковую. Мы все «повязаны» этой избыточностью, причем не только прямые соучастники или современники Сталина, но все мы, даже люди другого тысячелетия и другой истории. Феномен Сталина и сталинизма затрагивает Мир в целом. Нас пытались и пытаются отчуждать от ответственности, и это худшее из того, чего нас лишают, превращая ее (ответственность за кровь) «в своего рода комфорт»⁷.

⁶ По данной теме опубликованы работы: Илизаров Б.С. Иосиф Сталин и Иван Грозный // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая 2007 г. СПб., 2008; *Он же*. Иосиф Сталин и Иван Грозный // РГГУ. Вестник гуманитарной науки. 2007. № 4 (94). С. 98–99; *Он же*. Роковая трансформация образа Ивана Грозного в трудах Р.Ю. Виппера и ее последствия в эпоху сталинизма (фрагмент) // Материалы научной конференции «Историк в России: между прошлым и будущим», посвященной 90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина. М.: РГГУ, 2013; *Он же*. «Не место красит человека, а человек место» – обманчивая диалектика старинной русской поговорки, или преломления сталинского дискурса: «центр-периферия» в советском имперском строительстве // Материалы Международной научной конференции «Центр – периферия», май 2010. Германский исторический центр в Москве. М., 2012; *Он же*. О судьбоносных диалогах с прошлым // Диалоги культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 г. Т. 1. Доклады. СПб., 2011. С. 315–320; *Он же* (то же на английском языке). Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина // Материалы научно-православной конференции «Научный православный взгляд на ложные исторические учения». 15–16 октября 2010 г. М., 2012. С. 271–290; *Он же*. Царь, генсек и историк // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2012. № 10. С. 28–39; Любимый сталинский историк // Сборник статей к 80-летию В.Д. Есакова. М.: ИРИ РАН, 2013; *Он же*. Хроногеография исторического героя, исследователя, читателя // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 3 февраля 2013 г. Ч. 2. М., 2013. С. 327–328; *Он же*. Роковая трансформация образа Ивана Грозного в трудах Р.Ю. Виппера // Наука, культура, менталитет России Нового и Новейшего времени. М., 2014. С. 150–170; *Он же*. От книги проф. Виппера об Иване Грозном можно ожидать многого // Историк в России: между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания. М., 2012. С. 340–358 (Презентация материалов Пятых Зиминских чтений, посвященных 90-летию выдающегося советского и российского историка А.А. Зимина. Март 2014); *Он же*. Стенографический отчет о научной сессии Института истории АН СССР по теме «Иван Грозный и его время», июнь 1942 г. Ташкент // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 193–195; *Он же*. Преломления сталинского дискурса: «центр-периферия» в советском имперском строительстве // Центры и периферии европейского устройства. М., 2014. С. 273–189; *Он же*. Документы ЦК ВКП(б) о формировании образа Ивана Грозного в литературе // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 46–56; *Он же*. А.Н. Толстой – И.В. Сталин – Иван Грозный: зеркало для героя // Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 2. М., 2017. С. 234–256; *Он же*. Ал. Н. Толстой. «Хлебом» единым... Ал. Н. Толстой и его повесть «Хлеб (Оборона Царицына)». 1937 // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова. М., 2018. С. 327–345.

⁷ Гефтер М. «Сталин умер вчера» // Иного не дано. М., 1988. С. 302–303.

Феномен сталинизма напрямую связан еще и с умением вождя сузить для населяющих страну людей поле выбора. По наблюдениям Гефтера: «Он строил, и весьма искусно, свою нужность». Периодически вытапывая вокруг себя политическое поле, создавал критические ситуации, а потом выводил из них, как избавитель. Наряду с искусственно созданными условиями своей незаменимости сталинизм характеризует еще «перманентная гражданская война»⁸.

И хотя Гефтер не раскрывает механизмы действия сталинизма, они, с моей точки зрения, наглядно представлены перманентными волнами репрессий, пики которых падают на десятилетия Октябрьской революции 1917 г., т. е. 1927–1928, 1937–1938, 1947–1948... Разжигаемая и контролируемая сверху гражданская война – важнейшая и неизменная особенность политики сталинизма. Однако в этой книге речь не идет о политике сталинизма как таковой, а лишь о том ее аспекте, который имеет отношение к культурной политике, приведшей к порабощению интеллигенции, иногда добровольной, чаще ситуационной, а еще чаще насильственной. Никогда раньше многонациональная российская интеллигенция не стояла перед столь трудным для себя выбором. Выбор не был связан с сопротивлением власти; к началу 40-х гг. об этом не могло быть и речи, поскольку даже скрытое несогласие и скепсис вели к неизбежной гибели. Перед всеми группами интеллигенции стоял вопрос о простом физическом выживании. Выбор был небольшой: или служить по-холопски, т. е. забегая вперед и творчески оформляя пропагандистские лозунги и формулировки власти, или, рискуя и с «фигой в кармане», до времени маскироваться и пытаться делать свое дело, незаметно умерев на обочине официальной науки и культуры. Последние надеялись на будущее, которое непроницаемо и поглотило многих из них, талантливых и много обещавших. Альтернативам этим возможностям были смерть по приговору «тройки» или каторга и с большой вероятностью голодная смерть в лагере. Часть историков и близкая к ней творческая интеллигенция, как составные части российской интеллигенции, прошли по одному из этих маршрутов сталинизма.

Близким Гефтеру по духу был недавно умерший историк западноевропейской культуры Леонид Михайлович Баткин. И он пытался сформулировать суть сталинизма, как феномена общечеловеческой истории. Вслед за Л.Д. Троцким (не называя его) Баткин считал, что сталинизм – это порождение определенного партийного и государственного аппаратного слоя. Оказавшись на его вершине, Сталин автоматически приобрел особую значимость, несмотря на интеллектуальную обычность. «Не будем забывать... что жесткая иерархия власти неизбежно делает непомерно значимой фигуру всякого, чья персона совпадает с вершиной пирамиды. Даже мелкие подробности (болезни, привычки и пр.) попадают в ранг исторически весомых... Это свойство «престола», а не государства»⁹. Наблюдение противоречит давней народной мудрости: «не место красит человека, а человек – место».

Не знаю, есть ли аналогии в других языках приведенной выше замечательной русской пословицы? Как концентрат вековой мудрости, она лукава, но подмечает самое существенное – базовым элементом любой иерархии, конечно, является человек, но и **его местоположение**. Двойственный смысл пословицы раскрывается в исторической ретроспективе. Например, Боярская дума Московского царства XV–XVII вв., особенно в период царствования Ивана Грозного, известна своим «местничеством»: местоположение великого князя постепенно становилось главенствующим, вне зависимости от того, кто персонально его занимал, а бояре, как члены ближайшей периферии царской власти, боролись за более «высокое» место, т. е. за положение, максимально приближенное «к центру» (к царю). Здесь царское место безлично, и любой, занявший его, становился главой феодальной иерархии, а наиболее знатный член Боярской думы сохранял свое качество только в зависимости от своего местоположения в думе.

⁸ Указ. соч. С. 305, 309.

⁹ См.: Баткин Л. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 11.

Борьба шла за признание иерархического качества (древности рода). В случае признания родovitости высокое местоположение занималось автоматически, и даже царь не всегда мог его оспорить. И все же во времена Ивана Грозного фактор «местничества» был использован против самого боярства.

Другой пример из сталинского политического быта. Во время празднеств на трибуне Мавзолея демонстрировался персонифицированный «центр» государства, состоявший из членов Политбюро и особо почетных гостей. На самом же деле Политбюро было виртуальным центром власти. Истинным центром был Сталин, а по правую и левую стороны от него стояли функционеры. Их близость к «центру» как будто бы определялась важностью выполняемой ими функции в партии и государстве, но фактически их порядок на трибуне устанавливал тоже Сталин, тем самым давая сигналы далеким кругам периферии (советскому народу, народам социалистического лагеря, всему остальному миру) об установленном им раскладе сил (иерархии) в своем ближайшем окружении¹⁰.

И в Средние века, и в советское время именно место «красило» человека, включая вершину властной пирамиды. Как и Сталин, практически случайно, благодаря серии внутрикремлёвских интриг, Хрущев занял сталинское место и вполне исправно выполнял функции сменного вождя. Так же случайно после смерти Ивана Грозного трон занял малознатный боярин, потомок татарских мурз (так считал историк А.А. Зимин) Борис Годунов. У нас, как нигде в мире, «величие» человека определяется высоким местом, на которое он взгромоздился и сумел удержать за собой до смерти. Жизнь и смерть Грозного и Сталина хорошо демонстрируют этот принцип.

По поводу величия Сталина у Баткина есть еще одно нетривиальное умозаключение. Он обратил внимание на то, что люди, рассуждающие о вожде, обычно делятся на две противоположные группы: одни считают его великим человеком и государственным деятелем по типу Цезаря, Наполеона, на худой конец – кардинала Ришелье; другие тоже говорят о его гениальности, но со знаком минус, т. е. признают в нем гения злодейства. Но как здесь не вспомнить Пушкина с его бессмертной фразой, что гений и злодейство – две вещи несовместные! Это справедливо не только для художника, замечает Баткин, но и для политика, а я хочу добавить – для любого случая гениальности и злодейства. Это только в религиозной секте манихеев, на ранних этапах противостоявшей христианству, присутствовало два божества, борющихся между собой. Из них одно – божество добра, другое тоже божество, но зла. Эти два начала вечно борются в этом мире, а человек, по мысли манихеев, подобно щепке, затягивается в круговорот борьбы мировых сил. «Да может ли божество быть злым?» – вопрошает на это наш автор. Конечно же, нет, ответим мы ему в унисон. Сталин – это «интеллектуальное, духовно-психологическое убожество»¹¹, а никакое не божество и не гениальность, даже злая¹². Так что же он такое, как его понять и как объяснить? Автор нашел отличную ответную метафору: «На биологической шкале самый крупный осьминог все же несравненно примитивней самой маленькой собаки или, тем более, шимпанзе. Сталин был редкостно крупным экземпляром довольно примитивного социального класса, семейства и вида»¹³. Трудно признаться себе, что «во главе террористического режима, перевернувшего мировые пласты и унесшего миллионы жизней, могла стоять посредственность»¹⁴. Но признать это все же придется нам, людям XXI в. В этой книге показано, как «посредственность» без большой надобности и без

¹⁰ Подробнее см.: Илизаров Б. Преломление сталинского дискурса: «Центр – периферия» в советском имперском строительстве // Центры и периферии европейского мироустройства. М., 2014. С. 373–389.

¹¹ Баткин Л. Указ. соч. С. 26.

¹² Очень характерна в этом смысле статья известного журналиста Мэлора Стурра. Частичка Сталина в нас // Московский комсомолец. 2017. 21 декабря. С. 6.

¹³ Баткин Л. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Указ. соч. С. 29.

далеко идущей цели, скорее из прихоти и желания проявить злую силу, вторглась в сложнейшие процессы научного и художественного творчества, лишала таланта и жизненной потенции великих творцов. А все из-за того, что Сталин не хотел быть первым и единственным правителем России, залившим страну непомерной кровью якобы ради ее же блага. Это он жестом артиста Н. Черкасова в роли Ивана Грозного ткнул в лицо народу указательным пальцем после очередного убийства: «Мало!»

А как же быть с полюсами добра и зла, присутствуют ли они в человеческой реальности? Без сомнения, присутствуют. Я уже писал об этом, за что меня заочно стали обвинять в манихействе. Вынужден объясниться еще раз: мы, и не только мы, а все люди с древнейших времен и от рождения находимся в поле величайшего морального напряжения, выбирая раз за разом через поступки вектор движения к тому или иному полюсу. Но «моральное поле» не есть только внешнее по отношению к человеку. Это поле, а не терзающие бедную душу однообразные демоны или апокалиптические ангелы света и ангелы тьмы. Каждый человек, а значит и все человечество, несет в себе на интуитивном уровне понятие о добре и зле, но каждый свободно выбирает тропинки и пути через вершины и провалы, без принуждения двигаясь к своим полюсам. Все герои моей книги, в особенности Сталин и Иван Грозный, шли своими путями по своему времени, и каждый индивидуально теперь несет ответственность за все сделанное не столько в царстве мертвых, сколько в мире живых. Моральный критерий всегда одинаков на все времена, разница в аранжировке, которая с веками действительно обогащается и усиливается¹⁵. Поле борьбы – это внутренний человек, его душа, даже если души не было или уже нет. Никогда, ни при одном режиме, нельзя забывать о цене, которую несут люди за свои действия. Сталинский режим и его порождения – одни из самых затратных по крови.

На заре перестройки появились первые работы, в которых делались попытки сопоставить эпоху Сталина и времена других репрессивных и тоталитарных режимов. Еще до этих событий на Западе было опубликовано некоторое количество антисталинистских сравнительных жизнеописаний, но в большинстве своем их авторы не проявляли ни глубокого знания материалов советской истории, ни ярко выраженного таланта историка. Дело было не только в том, что архивные документы по известным причинам были недоступны, но и в том, что авторы были старательными ремесленниками, которых всегда большинство. В основном в них предлагалось жизнеописание двух современников, двух диктаторов: Сталина и Гитлера¹⁶. Как уже говорилось, проблеме Сталин – Иван Грозный, их «перекличке» через века русской истории в зарубежной литературе особого внимания не уделялось, если не считать сюжетов, связанных с последним кинофильмом Сергея Эйзенштейна. История разработки «образа Ивана Грозного» в исторической науке и идеологии эпохи сталинизма еще не рассматривалась.

За все годы новейшей истории в современной России вышло только две работы по близкой теме и заслуживающие упоминания. Это публицистические статьи философа М. Капустина и историка А. Богданова. В статье Капустина «К феноменологии власти» предполагалось рассмотреть цепочку: Грозный – Сталин – Гитлер. Связку Грозный – Сталин автор предлагал рассмотреть диахронически, т. е. сопоставляя двух героев, находящихся в разных временах, а связку Сталин – Гитлер синхронически, как живших и взаимодействовавших в одном, общем интервале времени¹⁷. Статья интересна постановкой проблемы, но слабо обоснована и исторически, и фактическими материалами. Кроме общих положений типа того, что «культ лич-

¹⁵ Подробнее см.: *Илизаров Б.* Тайная жизнь И.В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 7-е изд. // Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого. М., 2015. С. 49–59, 356–370.

¹⁶ Наилучшая работа на эту тему написана английским исследователем Буллоком А.: Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. I. Смоленск, 1998; *Он же.* Указ. соч. Т. II. Смоленск, 1998. Но и она к моменту выхода на русский язык безнадежно устарела.

¹⁷ *Капустин В.К.* Феноменологии власти. Психологические модели авторитаризма: Грозный-Сталин-Гитлер // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 374.

ности Сталина во многом походит на культ фюрера»¹⁸, в статье найти что-то трудно. Сильнее и глубже публицистическая статья известного российского историка А.П. Богданова «Тень Грозного. Отрицание пройденного в толстых журналах», вышедшая в 1992 г. в журнале «Знамя». Впервые со времен академика С.Б. Веселовского (1876–1952 гг.), попытавшегося тайно сопротивляться сталинской «реабилитации» Грозного (о чем стало известно только в 60-х гг. XX в., т. е. после его смерти¹⁹), и книги В.Б. Кобрин «Иван Грозный» (1989 г.) появилась честная и искренняя работа Богданова, давшая общую оценку взглядам на Ивана IV начиная с конца XVI до конца XX в. Хочу воспользоваться его обзором как основой, для того чтобы в дальнейшем не возвращаться к узловым историографическим проблемам этой тематики.

Богданов справедливо отмечает, что «дуализм был присущ образу Ивана Грозного с самого его зарождения в XVI в.»²⁰. Но тут внесем небольшую корректировку, указав все же на то, что в XVI в. особого дуализма не замечалось. Московские люди и особенно иностранцы, непосредственные свидетели и участники событий, заставшие годы правления царя, отрицательно отнеслись к опричнине и ко всему тому, что она принесла, даже если они сами были вовлечены в ее сумасшествия. Как считал известный советский медиевист Р.Г. Скрынников, архивы XVI–XVII вв. якобы пострадали не столько во время Смуты и польской интервенции XVII в., сколько в результате «чистки», т. е. сознательного их уничтожения первыми Романовыми. Как человек, изучавший историю мирового архивного дела, в том числе России, отмечу, что во всем мире (исключая, может быть, Англию) отношение к сохранности архивов до XVIII–XIX вв. было, мягко говоря, безобразным. Не везде их уничтожали сознательно, но почти повсеместно на них не обращали особого внимания, и они сгорали и сгнивали, как ненужный хлам. Добавим, что после Смуты XVII в. был XVIII в. с его непоследовательным отношением к «старым бумагам», а за ним пожар Москвы 1812 г. и последующие архивные трагедии. Но и то, что дошло до нас через четыре века после Грозного, не так уж мало. Это в первую очередь комплекс официальных летописей, затем поздние местные летописи (Новгородская, Псковская и др.), дипломатические документы, извлеченные из иностранных хранилищ, переписка с царем беглого князя и первого русского диссидента Андрея Михайловича Курбского и др.

Необходимо отметить и еще одну особенность эпохи Ивана IV: в результате террора была так основательно запугана и частично уничтожена критически настроенная верхушка феодального общества, что только тот, кто смог бежать из страны, имел шанс оставить хоть какие-то документальные свидетельства о своем времени. А удачно бежал практически один Курбский и несколько иностранцев, другие кончили жизнь в отечестве на колу или иными и очень разнообразными способами. Например, шотландский чародей, лекарь, алхимик-отравитель, грамотей и наушник царя, Бомелий, знавший его самые сокровенные мысли, был зажарен на вертеле заживо. А уж он или высшие командиры опричного войска, если бы остались живы, были способны оставить хоть какие-то документальные свидетельства. Бельский, отец и сын Басмановы, Грязной (этот был точно грамотен и склонен к письму, т. к. сохранилась его переписка с царем) и др., переживи царя, многое бы рассказали о его опричных идеях и военных замыслах. Совсем не случайно, что во многом благодаря иностранцам, служившим в опричнине, которым удалось бежать из Московии, до нас дошли живые свидетельства эпохи. Это наполненные непревзойденным древнерусским колоритом информационно ёмкие воспоминания о своем, чаще всего недостойном, поведении во время пребывания в России. Но Грозный – один из первых правителей в русской истории, уничтоживший не только своих врагов и опасных соперников, но и «команду», т. е. главных организаторов опричного террора. Примерно так же с середины 30-х гг. XX в. стал действовать и Сталин, сменив (уничтожив) команду Дзержин-

¹⁸ Капустин. В.К. Указ. соч. С. 387.

¹⁹ См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

²⁰ Богданов А. Тень Грозного. Отрицание пройденного в толстых журналах // Знамя. 1992. № 2. С. 219.

ского командой Ягоды, а его самого и его людей заменил людьми Ежова, затем и его команду заменил людьми Берии, а затем эстафету принял Хрущев, уничтоживший Берию, и т. д. Гибель первой большой волны чекистов примерно совпала по времени с первыми приступами интереса Сталина к фигуре Грозного и к другим тиранам всемирной истории.

В результате гибели многих очевидцев эпохи, тотального страха и архивных катастроф князь Курбский и Иван IV сейчас выглядят как интеллектуальные исключения, хотя правильнее было бы ожидать, что просвещенных и литературно одаренных людей было в Московии значительно больше. Долгое время я, доверяя мнению специалистов, считал, что до нас дошла очень скудная источниковая база. Но теперь понимаю, что, несмотря на привычные трудности, имеющиеся источники дают достаточно прочную основу для того, чтобы осмыслить узловые моменты царствования. Особая удача – до нас дошло первое светское историческое сочинение: «История о великом князе Московском», написанное Курбским, и ряд важнейших духовных и делопроизводственных документов эпохи. Помимо того, что «История» – это первоклассный исторический источник, написанный соратником, а затем открытым врагом Грозного, сочинение самим фактом своего появления (а совсем не Ливонская война!) доказывает, что Московское царство двинулось в сторону цивилизационного сближения с Европой. Впервые мы увидели себя со стороны своими собственными глазами. За последние двести лет выявлено более десятка ценнейших свидетельств представителей самых разных европейских государств, земель и сословий: немецких, английских, австрийских, итальянских, ливонских, польских, литовских, шведских дипломатов, купцов, наемников, опричников, поэтов, авантюристов и др.

Здесь настало время вспомнить, что наша наука еще с советских времен полна идеологических предрассудков. Один из них заставляет повторять навязчивую мантру о наветах и клевете на Россию и все русское со стороны любых иностранцев любой эпохи и культуры. Спора нет, критическое отношение к историческому источнику должно быть у каждого трезвого исследователя, но оно не может быть окрашено политическими или националистическими предрассудками. Именно в эти грехи была втянута отечественная наука идеологией сталинизма. Большинство иностранных свидетельств, перекрывая друг друга, очень ярко, а в главном вполне достоверно повествуют о царе и его эпохе. Конечно же, есть и неточности, и грубые ошибки, и откровенная неприязнь, и оскорбительные умозаключения. Но нет, пожалуй, ни одного средневекового русского царствования, которое не нашло бы столь разностороннего отражения в западноевропейской мемуаристике и в дипломатической документации, как царство Ивана IV. Не в малой степени это произошло потому, что Россия во второй половине XVI в. впервые показала свое лицо на европейской военной и политической сцене, и оно было лицом Грозного, которое на всех современников произвело неизгладимое впечатление.

Следует отметить, что часть синхронных Грозному свидетельств еще в XIX в. подверглась в России запрету по политическим соображениям (например, записки английских дипломатов и купцов Д. Флетчера, Р. Ченслера, Дж. Горсея), а в XX в. редкие по своей насыщенности свидетельства немцев-опричников И. Таубе, Э. Кузе, Г. Штадена, военнопленного А. Шлихтинга и др. подвергались не столько научному анализу, сколько огульному обвинению в сознательной лжи и очернении Московского государства и его реалий. Их очень аккуратно, но на высоком научном уровне препарировали А.А. Зимин, Д.М. Альтман, Р.Г. Скрынников и др. Однако только в работах Кобрин, вышедших на волне перестройки, впервые появились взвешенные оценки свидетельств отечественных и иностранных очевидцев и участников событий. Именно Кобрин отметил, что только с начала XVII в., т. е. после смерти царя и гибели династии, начинают появляться свидетельства младших современников Грозного. И в первом известном нам независимом от официального летописания сочинении, которое приписывается то князю Катыреву-Ростовскому, то князю Шаховскому, впервые дается двойственная оценка личности царя и его царствованию. Вот они, ставшие особенно знаменитыми характеристики царя: *«Муж чюдного рассуждения, в науке книжнаго поучения доволен и многоречив зело, ко*

ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен». И тут же без переходов: *«На рабы своя, от бога данный ему, жестосерд вельми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени... и иная многая содея над рабы своими...»* А вывод? Его автор предоставил сделать читателю, заключив коротко и нейтрально: *«Таков бо бе царь Иван».* «Похоже, современник стал в тупик перед многогранностью человеческого характера», – делает свой вывод историк Кобрин²¹. Но почему-то другие современники не оказывались в тупике перед «загадкой» тирании, а обличали ее при жизни царя и на разных языках, включая русский.

С этого сочинения XVII в. можно отсчитывать зарождение двойственного подхода к оценке царя. Эта двойственность сохранялась вплоть до «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, когда лучший отечественный знаменитый историк придал ей новое качество. Ему не было известно процитированное выше и ставшее ныне знаменитым анонимное сочинение XVII в., но он пришел к сходным выводам, опираясь на известные ему к началу XIX в. источники. Нет ничего лучшего для подтверждения правильности общего заключения, чем два независимых, но одинаковых вывода, сделанных с интервалом в двести лет. Оставаясь убежденным монархистом, но находясь под воздействием западноевропейской культуры и ее гуманистических веяний, Карамзин не только выделил несколько этапов в истории сначала благочестивого царя, окруженного выдающимися советниками-реформаторами, а затем выродившегося в тирана, садиста, убийцу и насильника. К величайшей заслуге Карамзина надо отнести то, что, будучи безусловным сторонником самодержавия, он не поддался «очарованию зла» и, вопреки идеям богопомазанничества православного властителя (якобы неподотчетного земному суду) и ложного патриотизма, он назвал зло злом, садиста на троне – садистом и убийцей. Богданов цитирует известные и очень яркие характеристики, данные Карамзиным: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна, для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели»; «Народ русский отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоановой донныне именует его только Грозным»²².

Богданов не делает больших различий между научными трудами и художественной литературой, между публицистами и драматургами, между поэтами и скульпторами. Мне кажется, что такой подход отражает то сознательное смешение жанров и стирание границ, которое произошло в советское время, причем заложено было идеями и стараниями сталинских идеологов, а точнее самого вождя. До революции все эти жанры вырабатывались для интеллектуального сообщества, умевшего четко различать объективное научное и субъективное художественное творчество. В период сталинизма, с момента формирования единого идеологического центра в структурах ЦК ВКП(б), гуманитарная наука, культура, искусство, печать, книгоиздание, органы пропаганды управлялись как единый ансамбль, дирижёр и помощники которого стояли за кулисами власти. В 20-40-е гг. XX в. народ, с одной стороны, с трудом осваивавший азы грамотности и общеевропейской культуры, с легкостью поддавался под влияние целенаправленной информационной атаки печати, радио, кино, литературы, а с другой стороны, ему постоянно угрожали репрессиями, голодом, войной. Ничего подобного в XIX в., конечно же, не было.

Среди тех нетривиальных вопросов, которые поднял Богданов, мне бы хотелось отметить его полное горечи замечание о роли советской интеллигенции в грозненской и подобных ей идеологических эпопеях. Он принял на веру, что та антигрозненская художественная литература, которая была издана в эпоху перестройки, стала как бы формой покаяния и «исправления нанесенного человеческим душам зла» в сталинскую эпоху²³. На самом же деле, как утверждает

²¹ Кобрин. Указ. соч. С. 2.

²² Богданов. Указ. соч. С. 219.

²³ Богданов. Указ. соч. С. 218.

сам автор, за этим стоит более серьезное явление: «Обвиняя Сталина и его приближенных и приспешников, мы не должны забывать, что в вопросе об Иване Грозном инициаторами кампании были не они, а интеллигенты, предложившие властям предрешающим мотивы оправдания и возвеличения «великого государя». Более того, преодолевая сопротивление огромного культурного наследия, воспрещавшего хвалить царя-убийцу, участники большевистской акции (далеко не всегда марксисты по убеждениям) взращивали семена зла, попавшие в культурную почву за долго до них и уже успевшие дать ядовитые побеги»²⁴. Очень сильное высказывание, тем более что оно принадлежит представителю последнего поколения советских и первого поколения российских историков-интеллектуалов. Но изучая материалы, связанные с внедрением в советское общественное сознание героического образа царя-опричника, я не нашел ни одного случая, когда бы люди науки или культуры были инициаторами и бежали впереди запросов власти. Все творческие люди были очень разными; по своей природе они были индивидуалистами, и оставались индивидуалистами даже в низком угодничестве. Единственный сомнительный случай связан с книгой историка Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», вышедшей в 1922 г. Однако книга эта изначально была антибольшевистской, и ее автор никак не мог предугадать и подготовить почву для будущих сталинских пропагандистских экзерсисов. Так что уважаемый коллега не прав, взваливая на научное сословие вину за инициативу фальсификации истории: «К великому стыду ученых, змея заползла в общественное сознание из их среды», – уязвляет историк всех без исключения²⁵. Нет и нет, змея заползла оттуда, где родилась, т. е. из гнезда сталинизма и это я пытаюсь доказать в новой книге. Следует различать тех, кто поклонялся Змию, и тех, кто его порождал.

А дальше все проще и понятнее: бегло обзрев взгляды историков XIX в. (публицистов и литераторов сознательно пропускаем), от К.Д. Кавелина через С.М. Соловьева, М.П. Погодина, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.И. Костомарова и до В.О. Ключевского, выясняем, что отношение к Ивану Грозному было, безусловно, отрицательное, хотя и с некоторыми оговорками. Особенно негативно высказывались о царе и его деяниях Н.И. Костомаров и В.О. Ключевский. Затем произошло то, чему посвящена эта книга. Должен предупредить, что тематика книги шире, чем это обозначено в заглавии. В ряде случаев пришлось рассматривать в том числе прилегающие вопросы и иных героев русской и советской истории.

* * *

Для начала облегчу интеллектуальные усилия читателя. Не надо включать на полную мощность воображение, чтобы представить себе лики (не лица!) двух заглавных героев. О Сталине осталась масса свидетельств, фото и кинопортретов, рисунков и т. д. В каждом из них можно найти черты и черточки первообраза, но редко, когда они отражают действительное и подлинное в нем. В середине 30-х гг. литератор Е. Габрилович, после встречи писателей со Сталиным у Горького, записал: «После речи мы сгрудились вокруг него, и помню отчетливое чувство, что стою рядом с человеком, от которого зависит сейчас судьба Земли. Считайте меня недоумком, но я ясно помню в себе это чувство. А также удивление от того, что Сталин мал ростом, лицом рябоват и что от него исходит запах непромытого тела»²⁶. Вот так: судьба Земли и запах немытого тела. А еще добавлю я, у него был крупный нос, низкий лоб, жесткая шевелюра и роскошные усы. У него был маленький продолговатый череп (явный долихоцефал), форма которого отчетливо видна на посмертной гипсовой маске лица и головы. Эту черту предлагаю запомнить до разговора о кинофильме Эйзенштейна. А вот достоверных портре-

²⁴ Там же.

²⁵ Богданов. Указ. соч. С. 219.

²⁶ Цит. по: Баткин М. Указ. соч. С. 44.

тов Грозного не сохранилось. Есть знаменитая парсуна XVII в., хранящаяся в Копенгагене, и несколько русских иконописных и западноевропейских условных изображений XVI в., совершенно разноликих и маловыразительных. Наконец, существует, возможно, очень близкий к реальному словесный портрет и во многом соответствующий ему скульптурный портрет, восстановленный по черепу и костяку царя знаменитым антропологом М.М. Герасимовым. Вот как описан образ царя уже процитированным выше анонимным автором: «Царь Иван образом нелепым (некрасивым. – Б.С.) очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик быше, сухо тело имея, плечи имея высоки, груди широки, мышцы толсты». Это описание очень похоже на изображение, исполненное Герасимовым, а оба они в чем-то схожи с идеализированным изображением на Копенгагенской парсуне (фактически на иконе). Иван Грозный явно был крупным мужчиной (не чета Сталину), с большой круглой головой (брахицефал), с большими выразительными серыми глазами, кривым «греческим» носом и громким голосом.

Согласно этим портретам, между обликом Сталина и Ивана Грозного нет общих черт. Однако с этим выводом вряд ли бы согласился С. Эйзенштейн, нарочито искавший и находивший общие черты. А кого воображали историки, драматурги, писатели, преподаватели средней и высшей школы, рисуя перед многочисленными аудиториями на сталинский манер образ средневекового завоевателя? Что ж, посмотрим: не здесь ли нас встретит «волчья голова Иоанна Грозного» или и Сталина тоже?

Глава 1

Неожиданная диспозиция

1. «Прислужник господствующей буржуазии». 1922–1939 гг.

Выдающийся российский историк-медиевист второй половины двадцатого века А.А. Зимин в фундаментальных монографиях: «Реформы Ивана Грозного» (1960 г.) и «Опричнина Ивана Грозного» (1964 г.) раз за разом отмечал историка Р.Ю. Виппера. Зимин был не одинок. Начиная с 1940 г. ни одно сколько-нибудь заметное исследование об эпохе царя, опричнине или вообще о российской истории XVI в. не обходилось без ссылок на книгу Виппера «Иван Грозный». Особенная судьба у этой книги, особенная судьба и ее автора.

В 1964 г. Зимин писал: «Первые обобщающие труды, посвященные опричнине и Ивану Грозному, появились уже в 20-х гг., когда происходило становление марксистско-ленинской исторической науки в напряженной борьбе с буржуазной историографией. В 1922 г. вышла книга Р.Ю. Виппера об Иване Грозном, в которой царствование Ивана Грозного рассматривалось на широком фоне международных отношений. Такой подход к изучению вопросов русской истории заслуживает самого пристального внимания. Однако для книги Р.Ю. Виппера характерна непомерная идеализация личности Ивана Грозного, доходящая до прямого прославления самодержавия. Автор изображал Ивана III и Ивана IV как «двух гениальных организаторов и вождей крупнейшей державы своего времени...». То, что проблемы царствования Ивана IV, в том числе и опричнину, Р.Ю. Виппер рассматривал во всемирно-историческом аспекте, составляет его бесспорную заслугу. Но на решении вопроса опричнины в труде Виппера лежит печать буржуазной историографии»²⁷. Зимин, помимо идеализации личности царя, к недостаткам книги Виппера отнес отрыв его исследования от социально-политической истории и классовой борьбы.

Не забудем, что книга Зимина писалась в период «борьбы с культом личности Сталина и его последствиями». Об идеализации опричнины в трудах академика Р.Ю. Виппера и его коллег-историков 40-50-х гг. (академика С.В. Бахрушина, И.И. Смирнова) говорилось на специальных научных заседаниях, инспирированных идеологическим отделом ЦК КПСС, писалось в научно-популярной литературе и в широкой прессе²⁸. Тогда же обличительные слова прозвучали и в адрес одноименного кинофильма С. Эйзенштейна, драматической дилогии Ал. Толстого «Орел и Орлица», «Трудные годы», романов и пьес менее сановитых деятелей культуры. Но ни тогда, ни сейчас никто толком не знал, да и не мог знать, подлинную подоплеку всего того, что связано с трансформацией образа царя-опричника в труде Р.Ю. Виппера и участия в этом процессе генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина. Попытаемся сдернуть завесу.

Виппер добровольный эмигрант. Ему удалось покинуть страну под занавес ленинской эпохи, в 1924 г., в то время когда антисоветски настроенную интеллигенцию не только силой не задерживали в стране, как это позже делал Сталин, а напротив, высылали целыми группами. Виппер уехал по доброй воле, будучи немолодым человеком и сложившимся ученым. В момент эмиграции ему было 65 лет, и он более 25 лет занимал почетные должности, включая профессорскую в Московском университете. Хорошо владея классическими и несколькими современными европейскими языками, Виппер писал учебники для гимназии по исто-

---

²⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 37–38.

²⁸ См. напр.: Курмичев М.А. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. С. 195–2003; Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 121–129.

рии древнего Вавилона, Ассирии, Иудеи, Греции, Рима, средневековых стран Европы и Нового времени. В более свободные времена, после 1905 г., вплотную занялся изучением происхождения христианства; как и многие, отрицал историчность Христа и достоверность евангельских сказаний. Но в отличие от своих коллег-историков, которые как тогда, так и сейчас отстраняются от пугающих их «абстрактных построений», он с увлечением предавался философским размышлениям об истории человечества и методах ее конструирования²⁹. Даже в годы Гражданской войны Виппер продолжал свои историософские занятия и чтение публичных лекций, пользуясь хотя бы до времени редкой для условий России относительной свободой слова. В 1918 г. он издал интересную, но далеко не бесспорную книжку о возникновении христианства. Казалось бы, атеистическая советская власть должна была если не приветствовать, то хотя бы промолчать о книге, «лыющей воду» на ее безбожную мельницу. Но В.И. Ленин, дорабатывая в 1922 г. третье издание статьи «О значении воинствующего материализма», вставил ремарку: «Проф. Р.Ю. Виппер издал в 1918 г. книжечку «Возникновение христианства» (изд. «Фарос». Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии»³⁰.

Виппер вряд ли ожидал такой «критики» со столь высоких государственно-политических высот. Но еще более грубые выпады позволяли себе коллеги-историки, претендующие на единственно верную интерпретацию «материалистического» понимания истории. В 1923 г. Виппер опубликовал в Берлине сборник статей с философским уклоном «Круговорот истории». Публикация за границей научных трудов тогда тоже еще не рассматривалась как государственное преступление. Люди с ярко выраженным марксистским мировоззрением, такие как М.Н. Покровский и Ц. Фридлянд, выступили в партийных и научных журналах против «реакционного» «буржуазного» историка-интеллигента, потерявшего в дни революции устойчивую почву под ногами³¹. Последний усмотрел в сборнике также отзвук мыслей О. Шпенглера, изложенных в знаменитой книге «Закат Европы»³². У нас всегда самыми неприязненными и несправедливыми критиками являются собственные завистливые соотечественники. Отрицательный отзыв опубликовал и известный историк и методолог-позитивист Н.А. Кареев, горячий проповедник бесконечного исторического прогресса человечества³³. Поскольку и Покровский и Кареев, каждый со своих позиций, претендовали на ведущие роли в области методологии истории, то в соответствии с классической российской традицией Виппера обвинили в подражательстве и эпигонстве.

Сама по себе мысль о круговороте истории одна из древнейших, но Виппер говорил о повторении одних и тех стадий не в шпенглеровском органо-растительном смысле (культуры рождаются и умирают), а скорее в смысле марксистском. Излагая историю Древнего Рима захватывающей даже искушенного читателя прозой, Виппер живописал о развитии Римского «империализма» от стадии общинных союзов, которые путем завоеваний и концентрации земель и капиталов перешли в стадию мощной финансовой капиталистической империи,

²⁹ Об историко-философских взглядах Виппера см.: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; Володихин Д.М. Очень старый академик. Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М., 1997 и др.

³⁰ Ленин В.И. «О значении воинствующего материализма» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 45, С. 27; Ленин В.И. То же // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 8.

³¹ Покровский М. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 34.

³² Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6. С. 9.

³³ Кареев Н.И. Рецензия на книгу: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Педагогическая мысль. 1922. С. 81.

включавшей в себя элементы рабства и феодализма. Сочетание таких же элементов он наблюдал и в истории других древних государств и культур. Здесь он тоже был не очень оригинален. В конце XIX – начале XX в. на Западе и у нас в России сторонников такого подхода было довольно много³⁴, да и сами классики марксизма были в этом вопросе непоследовательны. В «Манифесте коммунистической партии» известные общественно-экономические формации выстроены как восходящие ступени общечеловеческой цивилизации. Но позже они (особенно Маркс) без смущения рассуждали о наличии в Древнем Риме пролетариата, крупного финансового капитала и латифундий, писали о вполне очевидном рабовладении в капиталистических США или об «азиатском способе производства» в странах Древнего Востока, грубо разрушавшем стройность основной марксистской концепции, и т. д. Даже последовательные марксисты постоянно забывают, что и Маркс с Энгельсом были сторонниками все того же «круговорота истории», но их модифицированная «круговая спираль» была очень широка. Ее «круговорот» включал цикл: от формы примитивного первобытного коммунизма к форме коммунистического общества высшей формации. И Виппер был сторонником «круговорота истории», но его «круг» ограничивался рамками одной цивилизации. Виппер удивительно непринужденно использовал марксистские понятия и, как художник краски, легко и внешне произвольно брал в свою палитру различные понятия и конструкты, лишь бы они позволяли набрасывать увлекательные «образы» (термин из его арсенала) мира истории. Без сомнения, его философия истории до и после революции была эклектична: сначала он соединил эмпиризм с махизмом, последний – с марксизмом, затем добавил во все это нищезанятия, потом заимствовал кое-что из Шпенглера... И свою научную терминологию он без всякой оглядки нарочито модернизировал³⁵. В его книгах и учебниках по улицам того же Древнего Рима передвигались «маршалы Суллы» и «генералы Цезаря», которые проводили «имперскую колонизацию» и т. д. Но к российской истории Виппер видимого интереса не проявлял до 1922 г., когда издал небольшую книжку под названием «Иван Грозный»³⁶. Книга была сразу замечена: М.Н. Покровский встретил ее почти натуральным гомеровским хохотом, который можно уловить даже сквозь прошедшее время, а известнейший историк академик С.Ф. Платонов отозвался о ней с восторгом. И тот и другой были исследователями с большим научным опытом, и тот и другой ощущали себя значительными публицистами на поприще истории. Покровский отозвался о книге так:

«Изобразить Московскую Русь XVI в. на фоне общеевропейских отношений того времени – чрезвычайно заманчивая задача. Ничем лучше нельзя опровергнуть господствующего доселе, даже в марксистских кругах, предрассудка о «примитивности», якобы, той экономической основы, на которой возникло русское самодержавие. Показать это самодержавие в его настоящей исторической связи, как один из аспектов торгово-капиталистической Европы, показать последних потомков Калиты, как младших товарищей Валуа, Тюдоров и Габсбургов, – это задача не только чрезвычайно интересная для историка, но и педагогически чрезвычайно важная для читающей публики: нет более радикального средства покончить с легендой о «своеобразии» русского исторического процесса. У проф. Виппера имеются налицо, казалось бы, все данные для решения этой задачи. Тонкий знаток истории Запада, он внимательно изучил «сказания иностранцев» о Московской Руси: в данной перспективе источник особенно ценный, ибо как раз иностранцы подходили к русским отношениям с «экономического» конца, которого туземные летописцы не замечали, как человек не замечает воздуха, которым дышит.

³⁴ До сих пор в библиотеке Сталина хранится книга А.И. Тюменева «Капитализм в древней Греции. К вопросу о генезисе капитализма. Опыт сравнительно-исторического исследования. Пг.: Прибой, 1923. На книге есть штамп библиотеки Сталина, но она не была им даже разрезана. Еще более активно это направление разрабатывалось на Западе как в исторической, так и в художественной литературе. Наиболее яркими представителями последнего являются Л. Фейхтвангер и Б. Брехт.

³⁵ Обзор историософских воззрений Виппера см.: *Малинов А.В.* Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. Пособие к лекциям. СПб., 2009. С. 262–326.

³⁶ *Vipper P.* Иван Грозный. Изд. «Дельфин», 1922 (без м. изд.).

Словом, от книги проф. Виппера об Иване Грозном можно ожидать многого. Разочарование постигает читателя довольно жестокое. Несмотря на новизну, казалось бы, подхода, несмотря на относительную свежесть материала, получается перепев – вначале Мишле, а потом Карамзина. Начинается с турок, кончается Баторием, и все это звучит ужасно знакомо. Ни нового образа Грозного, который вообще, как живое лицо, в книге отсутствует, присутствует только, как некий символ или алгебраический знак, ни нового объяснения его внешней политики (ей почти исключительно посвящена книга), более глубокого, чем дававшееся доселе. В этой последней области проф. Виппер, по части примитивности аргументов, перещеголял даже Карамзина: «последняя степень истощения» (стр. 90), «полное истощение» (стр. 93) Московского государства, без единой хотя бы иллюстрации, не то что анализа, который бы показал, в чем же это истощение состояло, – это уж не Карамзина, а плохие школьные учебники напоминает. И вообще в книге «блеск» – чисто словесный – совершенно заменяет анализ. Откуда взялся московский империализм XVI в., так ярко – до, простите, лубочности – живописуемый автором, как возник, на чем держался: не ищите ответов на эти вопросы. И, кажется, автор хорошо делает, что не пытается их давать. Когда проф. Виппер хочет помочь своему читателю объяснениями, эффекты получаются иногда донельзя странные. «Государя сопровождает в поход разрядный дьяк с его канцелярией» (далее следует описание ее функций). Как все это напоминает практику древнеперсидского государства! Великому царю, по описанию греков, сопутствует в походах часть канцелярии, которая «озабочена историографией предприятия и бухгалтерским его протоколированием» (стр. 25). «Параграф о вдовых боярынях удивительно напоминает статью одного старинного юридического памятника, именно судебника Хаммураби...» (стр. 39). Где ты, Михаил Петрович Погодин? Отчего тебя нет между нами? Ты бы порадовался – ты очень любил такие сравнения.

Но эффект получается прямо потрясающий, когда проф. Виппер затрагивает чисто русские, туземные мотивы. Правительство протопопа Сильвестра затягивает объявление войны Ливонии. Почему бы это? Мы с читателем кое-что об этом знаем: правительство было боярское и торговое – причем Сильвестр представлял специально интересы новгородского купечества. Боярам тяжело доставалась всякая война, где на свой счет им приходилось содержать целые полки: новгородской буржуазии было жалко рисковать последними остатками торговых связей с Западом, тем более, что и победа была бы использована, конечно, московским капиталом, а не новгородским. Оттого правительство Сильвестра и топталось на месте: объективные интересы исторического развития толкали его на дорогу, по которой мешали идти узкие классовые интересы правящих групп. Поток развития скоро снес этот камешек.

Профессору Випперу это объяснение (имеющееся в печати), конечно, не подходит: это материализм, марксизм, об этом говорить неприлично. Но объяснить как-нибудь ему все-таки хочется. И вот он догадывается «Не значит ли это, что церковники не отказались от идеи унии с западно-христианским миром, что они были под известным обаянием политики римского престола...» (стр. 44).

Это предположение относительно церковников, русских церковников, которые пятьдесят лет спустя оправдывали революцию и царевбийство намерением царя заключить унию с Римом, это предположение вполне оправдывает мудрое воздержание проф. Виппера от предположений и объяснений вообще. Нет, для того, чтобы понять психологию русских современников Грозного, мало прочесть всю *Rossica* XVI в. И, ей-богу, даже Карамзин с Погодиным в таких случаях бывали ближе к истине. В общем, книга ничего не прибавляет ни к русской исторической литературе о Грозном, ни к научным лаврам проф. Виппера. А жаль. Задача, повторяем, заманчивая – и материал в руках был богатый!»³⁷

³⁷ SovLit – СовЛит: Покровский М. Виппер Р. Иван Грозный. Б/м, 1922.

Очень серьезная и во многом справедливая критика, но причем здесь Мишле и причем здесь Карамзин? Только по двум обстоятельствам, резко отличавшим все то, что и как писали коллеги-историки Виппера и он сам до этой скандальной книги. Первое – язык и интонация, которые, вне зависимости от национальной или партийной принадлежности читателя, полностью поглощали сознание и помимо воли погружали его на заданную глубину времени. Конечно, Покровский имел в виду совсем другое: архаичный, по его мнению, стиль и мышление историка. На самом же деле Мишле, Карамзин и Виппер, описывая прошлое, размышляли о настоящем, при этом каждый имел свое особенное видение прошлого из своего настоящего. Не кто иной, как сам Покровский, вскоре доведет идею исторической модернизации до примитивной пропагандистской формулы, заявив, что наука истории – «это политика, опрокинутая в прошлое». В одном Покровский был абсолютно прав: Карамзин действительно определяющим в истории видел личностное, а не экономическое или классовое начало, и именно об этом спустя столетие неожиданно заговорил и Виппер. До этой книги он, как и большинство коллег, был склонен рассматривать человеческую историю в социологическом ключе – как игру многочисленных, неуправляемых и скрытых сил. По его собственному признанию, историк пережил идейный кризис под влиянием октябрьских событий 1917 г., когда небольшая группа малоизвестных людей овладела «колоссальным государством», стала «властью над громадной массой» и перестраивает теперь «всю культурную и социальную жизнь сверху донизу. Согласно... своей идейной системе, своей абстракции, своей утопии земного рая»³⁸. Историк увидел, как «личности», (т. е. большевики) прямо в его присутствии делают историю. Вот тогда-то в глазах Виппера и под его пером Иван Грозный превратился в исполинскую историческую фигуру мирового масштаба.

В отличие от Покровского иное мнение о сочинении Р.Ю. Виппера высказал академик С.Ф. Платонов. Всего лишь через год после выхода книги Виппера, т. е. в 1923 г., Платонов издал своего «Ивана Грозного», первую из трех книг, посвященных предыстории и истории Смутного времени XVI–XVII вв. Предисловие к этой монографии он начал с похвал в адрес коллеги, а закончил его следующим пассажем: «Он (Иван IV. – *Б.И.*) – крупная политическая фигура. Именно это впечатление вырастает в каждом, кто знакомится с новыми исследованиями по истории русского XVI в. во всей их совокупности. С таким именно впечатлением приступил к своему труду об Иване Грозном и последний его историк профессор Р.Ю. Виппер. Но, воспользовавшись всем тем, что дала ему новая русская историография, он со своей стороны внес и нечто свое. Он дал в начале своего труда общую характеристику «XVI в.» как поворотного момента в вековой борьбе «кочевой Азии» и «европейцев», момента, когда успех в мировой борьбе стал переходить на сторону последних. С той всемирно-исторической точки зрения профессор Виппер представил оценку как московской политики XVI в., так, в частности, и самого Грозного... Книгу профессора Виппера можно назвать не только апологией Грозного, но его апофеозом. Выведенный из рамок национальной истории на всемирную арену, Грозный показался и на ней весьма крупным деятелем»³⁹.

Так вот, оказывается, в чем дело! Виппер под прикрытием апологии Грозного провел идею о всемирной борьбе двух начал, двух всемирно-исторических стихий: кочевой Азии и оседлой Европы. Апология Грозного была на самом деле апологией России, как аванпоста Европы. Ничего большего в изучение эпохи и личности Грозного Виппер не внес своей новой книгой. Так, во всяком случае, начинаешь думать, когда внимательно прочитаешь Платонова. И действительно, за исключением нескольких воспоминаний второстепенных очевидцев Ливонской войны, Виппер не ввел ни одного нового источника или факта. Как обычно, он

³⁸ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 11.

³⁹ Платонов С.Ф. Иван Грозный. 1530–1584; Виппер. Иван Грозный. М., 1998. С. 28–29. Здесь опубликованы тексты первых изданий книги Платонова и Виппера.

пересказал своим страстно-приподнятым словом то, что почерпнул у других авторов, не удосуживаясь сделать хотя бы минимум ссылок на первоисточники. Для меня очевидно, Виппер рассматривал свою книгу как публицистический, точнее, как политический памфлет, а не в качестве фундаментального научного исследования.

Первая мировая война и идущая ей встык Гражданская война закончились для России подписанием униженного мирного договора с неожиданно возродившейся Польшей⁴⁰. (Отметим в скобках, что одним из главных участников и виновников поражения в польско-советской кампании был И.В. Сталин.) Россия, которая рассматривалась Виппером в качестве восточного форпоста европейской цивилизации, была разгромлена и после очередного «Смутного времени» (Гражданской войны) сжалась (на Западе!) до границ первой половины XVI в. Прибалтийские государства, Финляндия и независимая Польша вновь образовали широкий кордон, отделявший Россию от Европы, менявший, по мнению историка, соотношение геополитических сил в сторону Азии. Большевизм с его уравнилельным интернационализмом и коммунизмом, общей антиевропейской (антиколониальной и антиимпериалистической) направленностью рассматривался Виппером как возвышение «азиатского», коллективистского над «европейским» и индивидуалистским. Более откровенно эти идеи он выскажет позже, оказавшись в эмиграции, а пока в «Иване Грозном» историк в нескольких строчках развернул потрясающую воображение панораму всемирно-исторической борьбы «Востока» и «Запада», Азии и Европы:

«С той поры как татары разгромили Суздальскую и Киевскую Русь (1237–1239), а франко-итальянские крестоносцы потеряли Иерусалим (1244), Азия не переставала высылать новые и новые массы кочевников на Европу. Никогда разбойничьи народы так не давили на промышленные и земледельческие страны Запада, как в конце XV и начале XVI в., когда пал христианский Константинополь, когда турецкие и татарские наездники подступили к Вене и Москве. Никогда в такой мере религия не служила знаком культурного разделения: в то время как среди кочевников от Сибири до Атлантического океана, от Оки и Дуная до Индийских вод безраздельно царила вера Мохаммеда, христианство было задвинуто в тесный северо-западный угол Европы, сохраняя лишь слабые остатки наследства античного мира... Шестнадцатый век – время крупных открытий, необыкновенного расцвета европейской промышленности, начало нового расширения Европы»⁴¹.

А время самого историка, начало XX в., это время очередного «сжатия» Европы и первых признаков обратного хода Азии. Виппер был крайним россие- и европоцентристом, который в гибельных неудачах родины увидел признаки упадка западной цивилизации вообще. Аналогии с современной жизнью, которые он и раньше постоянно искал и легко находил в древнем и средневековом мире, сами собой привели его к сопоставлению XVI в. и его Смутного времени, с началом XX в., с мировой и Гражданской войнами, иностранной интервенцией, разрухой. Но XVI в. знаменовал начало подъема «имперского» российского и общеевропейского цикла, а первые десятилетия XX в., напротив, очередной упадок России и новый «закат Европы». В России среди главных действующих лиц – носителей всемирно исторической «европейской» миссии XVI в. сами собой выделялись (так думал историк) былинные фигуры Ивана III и, в особенности, Ивана IV, попытавшегося «прорубиться» в Европу.

Начиная с Карамзина в научной и литературной традиции, в общественном сознании главное внимание уделялось внутренней политике Ивана Грозного, которая после периода плодотворных реформ Избранной рады и завоеваний на Востоке татарских ханств сменилась периодом опричнины, многочисленных изуверских казней и хаотичных гонений. Не менее сложно обстояло дело с внешней политикой. В результате многолетней Ливонской войны Рос-

⁴⁰ См.: Илизаров Б.С. Сталин, Польша, поляки // Историк и художник. Польша-Россия. 2008. № 1–2. С. 43–82.

⁴¹ Платонов С.Ф. Иван Грозный. 1530–1584; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. С. 103, 104.

сия потерпела поражение, потеряла все завоевания на Западе, а вскоре, после смерти Грозного, началась польско-шведская интервенция и многолетняя гражданская война. Однако надо напомнить, что еще С. Соловьев, а затем и С. Платонов нашли кое-что положительное в опричнине («оригинальный» способ централизации, например) и в агрессивном стремлении царя на Запад, как способе приобщения к передовой культуре и цивилизации.

У меня давно возникали вопросы к сторонникам странных методов «приобщения» к европейской культуре и иным достижениям цивилизованных народов. Если великий поэт Александр Сергеевич Пушкин мог себе позволить написать, что Петр I, одержав победу под Полтавой, поднял кубок за своих европейских «учителей» (надо думать, в боевом искусстве, что верно), то в каком смысле надо понимать его же слова о том, что Петр войнами «прорубил окно в Европу»? Чтобы «пировать на просторе»? Но географического простора и «пиров» у нас, слава Богу, и тогда хватало. Этот образ вошел в учебники истории для детей и взрослых. Войнами мы силой вторгались в европейскую жизнь, как и они в нашу. Этим же занимались все приграничные Европе государства, такие, например, как Турция в период расцвета. Но почему-то никто из наших историков не говорит о том, что и Турция «рубилась» по необходимости цивилизационное «окно» или вышибала «дверь» в Европу, когда она прямоком ломилась через греческие, югославянские или австро-венгерские земли? Агрессия скорее препятствует, чем способствует глубоким реформам и плодотворным заимствованиям страны-агрессора. Примером чему служит, в частности, история царствования Петра I, который после победы над шведами резко притормозил реформаторскую деятельность и внес произвол и хаос в наследственные и иные дела, потрясшие Россию в XVIII в. Еще в большей степени это относится к царствованию Ивана Грозного, когда победное начало Ливонской войны совпало с окончательным разгромом Избранной рады и ее реформами, что предрекло сумасшествия опричнины и первой масштабной Гражданской войны в России.

Сев на своего любимого «гибридного конька», т. е. на архаизированный модернизм, Виппер не только узрел в истории первой четверти XX в. продолжение борьбы Европы и Азии XVI в., но и борьбы сопутствовавших им не менее таинственных и могучих сил. Одной из таких враждебных сил были «либералы», «монархомахи», которые с XVI в. (!) под разными именами и личинами вели свою разрушительную деятельность вплоть до века XX. Виппер утверждал, что «либералы» сознательно исказили образ царя Ивана IV еще при его жизни и последовательно продолжали это делать вплоть до XX в.: «Они (либералы. – Б.И.) гремят против деспотизма, против тирании одного-единственного. Они ревниво следят, чтобы не поднялся против них монарх-народолюбец, чтобы не было сближения носителя верховной власти с низшими классами. Дворянские публицисты, «монархомахи» XVI в., придали монархической идее тот ненавистный облик цезаризма, который переходит по наследству к революционерам новейшего времени, к менее оригинальным, но более крикливым поколениям XVIII–XIX вв.»⁴² В 1922 г. Виппер заявляет, что России нужен «демократический монарх», «который решился бы устремиться в народническую политику... Чтобы вступить на такой путь, нужен человек гениальной дерзости; предприятие его будет по неизбежности граничить с преступлением»⁴³. В те времена считалось, что первым в истории «гениально дерзким» «демократическим монархом» был Юлий Цезарь. Ненависть к «монархомахам», иначе говоря к демократам и революционерам, Виппер воспринял от одного из основных своих учителей и покровителей, от В.И. Герье (1837–1919 гг.). Герье был не очень талантливым учеником Вл. М. Соловьева, отличался промонархическими взглядами. Он проучился несколько лет в Германии у всемирно известных историков Теодора Момзена и Леопольда фон Ранке. Вернувшись в Россию, Герье довольно быстро возглавил первую в Московском университете кафедру всеобщей истории. Но

⁴² Виппер П.Ю. Указ. соч. С. 112.

⁴³ Там же.

подлинной страстью Герье была «Историософия», которую он толковал в гегельянском духе. Его обзор «Философия истории от Августина и до Гегеля», вышедший в 1915 г., стал одним из первых в России произведением такого рода. Книга была довольно сдержанно оценена выдающимся историком, будущим академиком Е.В. Тарле, нашедшим в ней серьезные недочеты и перекося. В частности, Тарле обратил внимание на то, что Герье ошибочно называет французских журналистов-протестантов XVI в. «монархوماхами», т. е. сторонниками убийства королей. На сам же деле это было не протестантское, а католическое (точнее – иезуитское) учение о необходимости «при известных условиях низвержения и даже убийства монарха»⁴⁴. Виппер подхватил у Герье это хлесткое словечко, но стал его употреблять по отношению к противникам любого державного правления любой эпохи, а либералов приравнял к убийцам. То была явная антибольшевистская фронда.

Слова о монархوماхах были написаны не в 1937–1940 гг., а в 1921–1922 гг., когда ни о каком «народном монархе», способном встать над «всеми классами», действия которого «граничили бы с преступлением» (в положительном смысле!), не могло быть и речи. Это было время, когда слово «царь» произносилось российским большинством с ожесточением и уничтожительно. Своей книгой Виппер конечно же бросал вызов большевикам, которых рассматривал в контексте своей теории как худшую часть разрушительной либеральной интеллигенции. Но в качестве символов такого рода «либерализма» в прошлом Виппер почему-то избрал яркого монархиста и лучшего историка XIX в. Николая Карамзина, а еще английского дипломата и путешественника XVI в. Джильса Флетчера. Карамзин был «виновен» в том, что заложил устойчивую традицию отрицательного в целом образа царя Ивана IV (напомним – совместно с князем Щербатовым), обвиненного им в сумасшествиях опричнины, в бессмысленных жертвах Ливонской войны и истощении государства. Флетчер же под пером Виппера превратился в символ английского политического либерализма, для которого Грозный «чистейший представитель адски макиавеллистической политики»⁴⁵. По каким-то не ясным причинам Виппер и Платонов проигнорировали ярчайшие записки иностранных очевидцев XVI в., в частности, наемника-опричника Генриха Штадена⁴⁶ и военнопленного дворянина Альберта Шлихтинга⁴⁷. Через 20 лет Виппер вернется к этим проблемам. А пока главными объектами критики были избраны «либералы», «монархوماхи» Карамзин и Флетчер, столетиями «порочившие» Грозного.

Почти все предшественники Виппера судили и рядили о том, как понимать мотивы царя, изобретшего опричнину, какова логика в выборе объектов его репрессий? Виппер и в этом вопросе пошел дальше своих предшественников и учителей С. Соловьева и В. Ключевского. Уже Соловьев предполагал, что опричнина – это обдуманная система, нацеленная на окончательное решение вопросов централизации молодого русского государства. Виппер заговорил об опричнине как о специфическом механизме мобилизации общества в ходе развязанных царем внутренней и внешней войн. И вновь он трактует события далекого прошлого в свете современности. Только что, прямо на его глазах, большевики во время Гражданской войны привели в действие мощнейшие мобилизационные и репрессивные механизмы (милитаризация промышленности, военный коммунизм, всеобщие военная и трудовая повинности, институт комиссаров на фронте и в тылу, расстрелы заложников, массированная идеологическая обработка населения и др.). Это обеспечило им победу во внутренней, Гражданской

⁴⁴ Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 114.

⁴⁵ Указ. соч. С. 210–211.

⁴⁶ *Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника // Перевод и вступительная статья И.И. Половина. Л., 1925.

⁴⁷ Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934. Обзоры и фрагменты произведений Штадена и Шлихтинга публиковались на русском языке еще до выхода работ Виппера и Платонова. На немецком языке в Германии они были опубликованы накануне 1917 г.

войне. Отбили они и попытки иностранной интервенции. Под пером Виппера Грозный тоже интуитивно нащупал свой мобилизационный механизм в XVI в.: «Преобразование было задумано как орудие для устранения опасных людей, – пояснял историк, – и для использования бездейственных в интересах государства, а сопротивление недовольных превращало самую реформу в боевое средство для их уничтожения, и вследствие этого преобразование становилось **внутренней войной** (выделено мной. – *Б.И.*)»⁴⁸. И наконец, прямая цитата из большевистских лозунгов времен Гражданской войны, перенесенная в эпоху Грозного: «Правительство (Ивана Грозного. – *Б.И.*) как бы хотело возвестить программу последней крайности: «Все для войны»⁴⁹.

Но, в отличие от Гражданской войны в СССР, «гениальный» средневековый царь искусственно создал условия для полномасштабной «внутренней войны», «уничтожил оппозицию». Это, по мнению историка, избавило московскую военную монархию от немедленной катастрофы, и за Ливонской «войной не последовала по пятам революция»⁵⁰. (В сталинскую эпоху предварительное уничтожение «оппозиции», как неременное условие для победы в Великой Отечественной войне, станет общепринятым.) В книге Виппер не скрывал того, что он сознательно написал апологетическое произведение и что его раздражали «московские критики», склонные «к моральной отвлеченности», которые в «посмертном суде над Грозным» выдвигают на первое место «психиатрические мотивы». Это поставило его (царя) в один ряд с Калигулой, Нероном, Людовиком XI и другими известными историческими злодеями. Больше того, многие винят (Ключевский, Платонов) в гибели империи Рюриковичей и в Смуте безумную централизаторскую политику Ивана III и Ивана IV: «Получается странное противоречие: великие организаторы Москвы, Иван III и Иван IV, – подвел итог историк, – оказываются в то же время виновниками гибели империи»⁵¹. А вот если бы Иван Грозный умер в 1556 г., то есть до учреждения опричнины и начала Ливонской войны, то потомки сохранили бы о нем самую добрую память. (Отметим в скобках, что если следовать предложенному Виппером рецепту, то каждый человек имел бы шанс попасть в райские кущи, если бы умер во младенчестве, не успев совершить ни одного самостоятельного поступка.) Но сам по себе такой мысленный эксперимент очень заразителен. Можно задаться вопросами: что было бы, если бы Сталин умер или был убит в 1936-м или в 1940-м гг., т. е. накануне «большого террора» или Второй мировой войны? Ответов на такие вопросы никто не знает. Конечно, все было бы иначе, но как?

В «Иване Грозном» Виппер перечеркнул один из главных тезисов своей же многолетней дореволюционной концепции, изменил, казалось бы, устоявшийся взгляд зрелого исследователя на роль личности в истории. Еще раз хочу обратить внимание на то, что Виппер не был специалистом в области истории России. Его самые лучшие учебные произведения относились к истории античных государств. К образу Ивана Грозного он обратился под влиянием политической ситуации, складывавшейся в России в конце Гражданской войны, испытывая чувство глубокого отвращения к русской интеллигенции с ее тягой к «монархмахии», а главное, под давлением невыносимых условий жизни при большевиках.

Имея в виду, с каких большевистских «высот» на него посыпались критические замечания, и учитывая свой достаточно преклонный возраст, он, возможно, понимал, что с профессорской и научной карьерой при новой власти ему придется расстаться. И еще несколько обстоятельств, толкавших его в эмиграцию, следует иметь в виду. Его сын Борис Робертович Виппер, уже зрелый историк и теоретик западноевропейской культуры и искусства эпохи Возрождения, не мог рассчитывать на свободу творчества и карьерный рост в условиях советской власти, как

⁴⁸ Платонов С.Ф. Иван Грозный 1530–1584; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. С. 158.

⁴⁹ Указ. соч. С. 169.

⁵⁰ Указ. соч. С. 201.

⁵¹ Виппер Р.Ю. Указ. соч. С. 207; см. также: С. 203, 207.

представитель «буржуазной науки» и сын своего отца. А еще был брат Оскар Юрьевич Виппер, которого по решению ревтрибунала отправили в концентрационный лагерь, где он и умер за давнее участие в «деле Бейлиса» на стороне обвинения⁵². Все в их семье переплелось и взаимно отрицало друг друга. Их отец педагог Юрий Францевич был глубоко верующим христианином. Он стал известен тем, что, изучив значительное количество источников, соорудил гипсовый макет Иерусалима времен Иисуса Христа. Как известно, достоверных сведений о топографии и архитектуре древнего города нет, настолько основательно он был разрушен различными завоевателями. Предполагается, что планы этого макета послужили Михаилу Булгакову наглядным пособием при описании библейских событий в романе «Мастер и Маргарита»⁵³. Итак, отец – потомок немца-эмигранта и верующий христианин, брат, убежденный антисемит, возвращенный на псевдохристианских фобиях, жена из благополучной русской семьи, сын, подающий надежды историк западноевропейской культуры, а сам Роберт Юрьевич, воинствующий атеист, ищущий истоки христианства и коммунизма в древнем Вавилоне и иных глубинах древней Азии. Он и большевиков возненавидел за их коммунистическую идеологию, выработанную, по его мнению, «пришлыми» деятелями «церковного типа». В этом он признался после того, как в 1922 г. вынужденно покинул университет, а в 1924 г. выехал из Советской России в Латвию. Обосновавшись в Латвийском университете, он уже без обиняков писал: «Коммунистические формы возникают лишь при наличии известных условий, как определенная, надуманная, искусственная система. Если здесь можно говорить об изобретении, то изобретателями являются педагоги и администраторы церковного типа, склонные по преимуществу к опытам над человеческой природой и к попыткам лепить, сгибать и выворачивать по произволу человеческий материал. Но для осуществления широких коммунистических планов необходимо найти чрезвычайно податливые покорные массы людей... Только к среде безответной, серой, не блестящей индивидуальностями, можно предъявить такие требования, какие выставляют коммунистические вожди. Подобного рода условия могут оказаться там, где пришла воинственная группа одолела местную, оседлую, слабовольную, но работоспособную»⁵⁴. Не могу не отметить это очень тонкое наблюдение историка, если учесть, что среди большевистских вождей разного ранга действительно было значительное количество бывших учеников духовных училищ различных конфессий, прибывших в Москву из дальних окраин империи и зарубежья, включая недоучившегося православного семинариста, но уже генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина. Не могу не согласиться и с характеристикой «податливой массы людей», над которой коммунистические «конструкторы» начали проводить изощренные «опыты». Эта характеристика справедлива даже для наших дней.

Непонятно, почему этнический немец, покидая Россию, не отправился на родину предков в Германию? Конечно, и Германия была сильно разорена мировой войной, а ненавистные пробольшевистские элементы были там очень сильны. Но дело, скорее всего, не в этом: во время войны с Германией Виппер, как и многие натурализованные немцы, часто выступал публично и в широкой печати с крайне негативными оценками морали и политики своих бывших соотечественников. В то же время молодым Прибалтийским странам нужны были европейски образованные опытные научные кадры. Поэтому отец (несмотря на преклонный возраст) и сын Випперы были приглашены в Латвийский университет, в котором старший Виппер преподавал на русском языке и продолжал писать научные труды на русском, немецком и латышском языках. Ему несколько раз продлевали разрешение читать лекции на русском языке, что по тем временам было особой привилегией. Но в 1938 г. у профессора (ему уже более 75 лет) произошел конфликт с местной национальной профессурой, в результате чего он отошел от

⁵² Володихин Д.М. Указ. соч. С. 14.

⁵³ Галинская И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. М., 2003. С. 32.

⁵⁴ Виппер Р.Ю. Коммунизм и культура: древность. Рига, 1925. С. 123.

активной деятельности. Возможно, это произошло из-за разработанного им на основе архивных материалов спецкурса по истории крепостного права в Лифляндии, в котором резко критиковал «дворянско-помещичьи» традиции в этом вопросе⁵⁵.

В междувоенные годы официальная наука СССР о Виппере не забывала: ученики Покровского писали о его трудах резко критические отзывы, а люди, окончившие университеты и учившиеся у профессора до его эмиграции, давали высокие оценки. В 1930 г. историк социалистических учений и будущий академик В. Волгин написал обширную и в целом очень лестную статью о престарелом профессоре, белом эмигранте: «В.(иппер) – самый яркий и талантливый представитель в исторической науке настроений рус.(ской) мелкобуржуазной интеллигенции конца XIX и начала XX в. В связи с этими настроениями становятся понятными и идеологические колебания В., его отношение к революции и к революционной теории и особенности В., как историка, его скепсис и его увлечение «новыми словами». Следует отметить особо большое значение В., как преподавателя высш.(ей) школы... Талантливый лектор, прекрасный руководитель семинарских занятий, ученый с исключительно подвижным и восприимчивым умом и с чрезвычайно широкими интересами, В., во все время своей преподавательской деятельности группировал вокруг себя лучшие, наиболее живые и радикальные элементы студенчества»⁵⁶.

Но подрастало молодое поколение «красной профессуры», взращенное академиком М.Н. Покровским, для которых его мнение было непререкаемым, правда, до тех пор, пока учитель был при власти. В 1932 г. вышел очередной 27-й том Большой советской энциклопедии, в котором была помещена статья М.В. Нечкиной «Иван IV». М.Н. Покровский был мертв, до официального развенчания «школы Покровского», во время которого его ученица исполнила роль «запевалы», оставалось несколько лет. Соединяя взгляды Покровского с новейшей политической фразеологией сталинской эпохи, Нечкина писала «об обострении классово-борьбы» «между двумя фракциями феодально-землевладельческого класса» за «диктатуру» помещиков-крепостников в эпоху Ивана Грозного. Заявила, что дворянская историография строила «идеалистические теории вокруг психологических черт Ивана IV» и называла его «тираном» и «безумцем». При этом из старых историков упомянула только труды Н. Карамзина, но перечислила таких деятелей художественной культуры, как Ал. К. Толстой, П. Антокольский, И. Репин. После Октябрьской революции, продолжала Нечкина, фигура Ивана IV «получила в глазах контрреволюционной интеллигенции особенный смысл идеализации», позволяющий использовать его как призыв «в борьбе с революцией. Эмигрировавший в 1924 г. проф. Р.Ю. Виппер в своей книге «Иван IV» (1922) создает контрреволюционный апофеоз И. IV как диктатора самодержавия, прикрывая «историчностью» темы прямой призыв к борьбе с большевизмом»⁵⁷. Одноименное произведение Платонова ею также оценивалось как исследование с контрреволюционными тенденциями. Зато в качестве образцов марксистского подхода указывались соответствующие разделы «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского. Пройдет совсем немного времени, и Нечкина круто изменит свое мнение в отношении оценки деятельности царя, творчества Виппера и Покровского.

Наверняка Виппер следил за политическими изменениями в СССР, в том числе и за взглядами на его творчество. Но без всякого сомнения он не подозревал, что «великий советский вождь» Сталин, вообразивший себя новым воплощением Ивана Грозного, с конца 1920-х гг. взялся за переосмысление истории СССР, истории ВКП(б), Всемирной истории и собственной биографии, как апофеоза всех этих историй. Конечно, в 1934 г. Виппер мог узнать из советской печати, что создана специальная правительственная комиссия во главе со Стали-

⁵⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 499.

⁵⁶ Большая советская энциклопедия (БСЭ). Изд. 1. Т. 11. М., 1930. С. 190.

⁵⁷ БСЭ. Т. 27. М., 1932. С. 330.

ным, Кировым и Ждановым, которая объявила конкурс проектов новых официальных учебников истории для школы. Как я уже отмечал, Виппер сам когда-то писал хорошие гимназические учебники, и поэтому деятельность комиссии могла его заинтересовать. Но вряд ли он мог знать, что Сталин, не только организовавший и руководивший этой комиссией, но принимавший непосредственное участие в редактировании и оценке присылаемых рукописей, прочитал и несколько старых учебников Виппера. Я гляжу сейчас на читанные Сталиным учебники Виппера и вижу, как вождь не мог оторваться от текстов, исчеркав их вдоль и поперек своими пометами и замечаниями. Скорее всего, тогда же он прочитал и «Ивана Грозного». Но здесь мы вынужденно остановимся, поскольку дальнейший разговор требует дополнительных пояснений.

Чтобы понять, как развивались события дальше, мы должны вернуться более чем на пятнадцать лет назад, к тому времени, когда Сталин замыслил сконструировать для советских людей новое прошлое, поскольку картину будущего пред ними уже давно развернули Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин. Вождь после некоторых колебаний, подобно Грозному «перебрав людишек», центральной исторической фигурой сделал средневекового царя Ивана IV, мобилизовав на его возвеличивание лучшие творческие силы страны.

2. Сталин читает историка Виппера. 1929–1936 гг.

Через полтора года после выхода книги Роберта Юрьевича Виппера «Иван Грозный» Иосиф Виссарионович Сталин был назначен на пост одного из секретарей ЦК РКП(б), а еще через год Виппер выехал за границу. Ни о каких контактах между ними не известно, да их и не могло быть. Слишком разные у них были тогда интересы и общественное положение. До революции Сталин историей не интересовался, да и возможностей для систематического чтения книг во время ссылки у него было мало. Научная книга всегда была редкостью, а высылать ее за тридевять земель в ссылки, в Сибирь было не просто. К тому же в обыденной жизни ленив был будущий вождь, не любил чем-нибудь заниматься систематически, нахватался по верхам марксистской догматики из популярных статей своих же, более образованных соратников. Ни одной значительной книги по истории России до революции не прочитал. Знание книг отечественных историков не обнаруживал. Не блистал и знанием всемирной истории. И во время Гражданской войны не было у него ни времени, ни интереса заниматься чтением исторических сочинений, – не до того. Все насмерть боролись против всех. Потом же, с конца 1923 г., когда война завершилась, пошла уже не военная схватка, в которой люди, прошедшие революционные перевороты и гражданские бои, чувствовали свое превосходство и силу, а совсем другая, политическая свара за власть, где основное оружие: интрига, подкуп, двуличие, заманивание в коварные ловушки. Хотя и в той же стране, в которой во время Гражданской бились на полях в открытую, а все совершенно иное. В смутном политическом закулисье существуют свои правила, нужны особые человеческие качества, иная прозорливость, а главное – соревнование в бесчестии.

С 1923 по 1929 г. поползновения Джугашвили сдерживала маленькая кучка политических новобранцев, не прошедших даже школу интриг полноценного парламентаризма, ревнующих и предающих друг друга, как когда-то в подполье или в эмиграции. Но они, как в свое время Ленин, не переходили незримую черту в отношении своих соратников по борьбе, не затыкали рот страхом, не сажали в тюрьмы, не убивали их ни тайно, ни явно; даже некоторых полуврагов-меньшевиков и бывших левых эсеров пригрели в своих рядах. Сталин же, будучи ещё большим политическим дилетантом, с легкостью перешёл все дозволенные границы в отношении своих, а потому с легкостью, пусть и не без риска, выиграл борьбу за власть.

После того как в 1929 г. выдавил из СССР Троцкого и без труда устранил последнюю, так называемую правую бухаринскую оппозицию, Сталин настолько развязал себе руки, что приступил к коренной перестройке страны исключительно под себя и своих поделльников. В тридцатых годах XX в. именно так, перестройка, называлась новая сталинская политика. Знал ли об этом М.С. Горбачев, начиная свою, демократическую (точнее – драматическую) перестройку в конце того же века? Бесконечные перестройки не заканчиваются в нашей стране со времен Ивана Грозного, и почти всегда они оборачиваются очередным переизданием еще более изощренного и массового закабаления. Сталинская перестройка охватила все сферы государственного управления, социальных отношений, экономики, идеологии, культуры, науки, обороны и т. д. и т. п. Она, почти как ленинская «пролетарская революция», грубо, но с еще большей кровью перевернула так и не устоявшийся пласт народной постреволюционной жизни, а затем уложила его совсем не на то место, где он (пласт) покоился при царе. Кому-то до сих пор кажется, что Сталин вернул страну к царистским устоям, но это совсем не так. До самой смерти Сталин перестраивал и перекручивал пласты народной жизни, в очередной раз извратив известную троцкистскую идею «перманентной революции», употребляя ее избыточную кровь на личные цели. Сокровенной целью сталинской «перманентной революции» было стремление приспособить весь государственный, а с ним и общественный строй СССР к нуждам и провидческим идеям мудрого и великого, единственного и незаменимого вождя. И все же на заре сталин-

ской диктатуры, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., подлинного, непритворного убеждения в своем провидческом даре и величии у Сталина все еще не было: он знал, что за ним нет той ауры, которая была у признанных вождей революции и Гражданской войны. Поэтому ауру, а точнее «ореол», надо было создать практически из ничего, из шелухи, т. е. из слов, из отретушированных и тщательно обрезанных фотографий, из рисованных маслом картин и примитивных книжных иллюстраций, разнообразных художественных приемов в театре, кино, литературе. Слова, приемы, изображения были пусты, лубочны, преувеличены и вначале почти сплошь примитивны, но именно они сплачивали вокруг вождя народ как массу. Джугашвили быстро смекнул, что устойчивый идеологический фальсификат можно сотворить только при содействии людей гуманитарной науки и искусства. Именно у них развита творческая фантазия о человеке и человечестве; языком математики или физики культа личности не сотворить. Гуманитариев и деятелей культуры Сталин за исполнительность очень ценил и награждал, а за любую форму строптивости или бесполезность массово и показательно уничтожал. В толпе ныне известных диктаторов прошлого и настоящего в этом советский вождь особенно выделяется. Брежневое отношение к интеллектуалам он унаследовал от Ленина, который сам принадлежал к презираемой касте и хорошо знал ее пороки, но Сталин никогда интеллектуалом не был и им не слыл. «Гением всех времен и народов» его называли, но несколько позже, а вначале под ним не было даже минимального пласта той культуры, которую на жизненном пути дарит уроженцу родная земля. В конце XIX в. Грузия была не очень обильна плодами светской культуры, а главное, длительное время развивалась в ином, чем Россия, цивилизационном направлении. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» не без основания отмечал, что народы Кавказа в той же мере отстали в своем цивилизационном развитии от великороссов, в какой последние от народов Западной Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.